

ISSN 0207-4486

UNIVERSITAS TARTUENSIS

LINGUISTICA

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 713 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

UURIMUSI GERMAANI KEELTE SÕNAVARA
JA GRAMMATIKA ALALT

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ И
ГРАММАТИКЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

L I N G U I S T I C A

TARTU 1985

Toimetuskolleegium:

Paul Ariste, Karl Lepa, Helgi Liin, Ilmar Mullamaa,
Oleg Mutt, Juhani Tuldava (vastutav toimetaja)

Редакционная коллегия:

Пауль Аристе, Карл Лепа, Хельги Лийн, Ильмар Мулламаа,
Олег Мутт, Юхан Тулдава (отв. редактор)

Kogumik "Linguistica" ilmub alates 1969.a. (alates 1977.a. TkU Toimetiste sarjas). Kõesolevas XVIII väljaandes on avaldatud rida uurimusi germaani keelte sõnavara ja grammatika alalt. Autoriteks on Tartu Riikliku Ülikooli õppejõud ja külalisautorid.

Сборник "Linguistica" публикуется начиная с 1969 г. (начиная с 1977 г. в серии Ученых записок Тартуского государственного университета). Настоящий 18-й выпуск содержит статьи по лексике и грамматике германских языков. Авторами статей являются преподаватели ТГУ и исследователи из других городов.

The collections "Linguistica" have been published serially since 1969 (as issues of Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis since 1977). The present issue No. 18 contains investigations in the field of the lexis and grammar of the Germanic languages by authors from Tartu State University and elsewhere.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА
ПРЕВОСХОДНОЙ СТЕПЕНИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Т.С. Глушак, Л.И. Федорова

Содержание превосходной степени (суперлатива) отражает соотношение максимального количества признака у предмета сравнения с количеством того же признака у объекта сравнения. Точнее говоря, смысл суперлативности или "превосходства" заключается в выражении высшей степени признака (немецкий термин — *Höchststufe*) данного предмета по сравнению со степенью того же признака у целого множества объектов (Карабань И.А. 1970, с. 35).

Основной формой репрезентации суперлатива в его истинном, релятивном значении является типовая конструкция *am ... sten* или форма с *-(e)st*. Это наиболее частое представление значения в рамках предложения-высказывания:

1. Stanislaw Warschawski gefiehl Regina von all ihren Freunden am besten. (H. Zinner. Regina. S. 51).

2. Felix war der älteste in der Klasse und der einzige, der schon fünf Volksschuljahre hinter sich hatte. (J. Brăzan. Der Gymnasiast. S. 41).

Внутри приведенных предложений содержатся три компонента сравнения: предмет сравнения, основание сравнения, объект сравнения. Но чаще суперлативная конструкция не выявляет все три компонента сравнения эксплицитно. Поэтому возможно говорить о степени ее эксплицитности, в зависимости от которой нетрудно обнаружить варианты реализации основной формы-инварианта.

Если исходить из представления об инварианте как о структуре, в которой эксплицитно представлены все три компонента сравнения, то вариантом прежде всего оказывается такая форма репрезентации, в которой предмет сравнения номинально совпадает с объектом сравнения, т.е. предмет сравнения выделяется среди номинально одинаковых предметов при контактном размещении всех членов на основе высшей степени общего для них признака:

Sein Vater, Inhaber einer Textilfabrik, gehörte zu den reichsten Leuten der Stadt und war einer der besten Klienten des Rechtsanwalts Mardoch. (H. Zinner. Regina. S. 53).

Это, по существу, тоже эксплицитное выражение суперлативного сравнения, но представляющее как бы в усеченной форме.

Другим вариантом репрезентации будет форма, в которой объект сравнения выглядит формально иначе, чем сравниваемый предмет:

Er sprach: "Erstens: Von allen Fächern, in die man sie fortan Einblick nehmen lassen wird, ist Mathematik das wichtigste Fach." (H. Kant. Die Aula. S.82).

Объект сравнения выражен в этом случае существительным с предлогом: von allen Fächern. Данная структура синонимична генитивной форме выражения das wichtigste Fach aller Fächer, которая также представляет множество объектов. Предмет сравнения и выделяется из этого множества как обладающий общим для всех членов признаком в максимальной степени.

Другие варианты суперлативной конструкции существуют на базе неполной экспликации. Так, объект сравнения может быть не представлен эксплицитно, выражается лишь предмет сравнения:

Er war zugleich der "frechste und faulste Schüler der Anstalt", wie Maaß, der Klassenlehrer, des öfteren sagte, denn er stand in den meisten Fächern so jammervoll schlecht, daß seine Versetzung in die nächste Klasse diesmal gefährdet schien. (D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. S. 11).

Вместо объекта сравнения иногда дается его обстоятельственная локальная характеристика:

Nächst dem Vatikan und dem Schloß von Versailles war der Escorial das berühmteste Bauwerk Europas, den Spaniern galt es als das achte Wunder der Welt. (L. Feuchtwanger. Goya. S. 125).

Еще одним вариантом реализации является синтетическая форма суперлатива в сочетании с существительным в родительном падеже, с определенным артиклем или местоимением, после выделительного неопределенного артикля:

1. Unter den mitwirkenden Herren war auch der Sohn eines der größten Bauunternehmer der Stadt, ein neunzehnjähriger, hochaufgeschossener Jüngling, der im Geschäft des Vaters arbeitete und es einmal übernehmen sollte. (H. Zinner. Regina. S. 238).

2. Sie hatte als Kind ein Autodafé miterlebt, und die wilde finstere Feindlichkeit, die Fahnen und Priester, die Armensünder und die Flammen, in denen sie brannten, waren eine ihrer tiefsten Erinnerungen. (L. Feuchtwanger. Goya. S. 178).

Если сопоставить данный вариант с инвариантом конструкции (когда предмет сравнения выделяется среди объектов сравнения на основе высшей степени обладания признаком), то можно заметить, что вариантом передается обладание высшей степенью интенсивности признака как у предмета сравнения, так и у сравниваемого объекта в одинаковой мере.

Неравенство степеней признака при сравнении предмета с объектом в свою очередь может проявляться в различном виде:

Er ist der größte Staatsmann Spaniens, warum soll er nicht der größte der Welt werden? (L. Feuchtwanger. Goya. S. 135).

Здесь сравнение опирается на неравенство прост-

ранственного объема: Испания - весь мир, отчего и возникает неравенство признака.

Von allen, die da Abschied nahmen, war Rose Paal, das Mädchen Dieunddie, weitaus die glücklichste. (H. Kant. Die Aula. S. 305).

В данном случае неравенство меры ощущения конкретизируется специальным словом — weitaus, оно сигнализирует о неравенстве признака, служит соответствующим индикатором.

... und eine Rede soll sein voll Größe und Schönheit, von einer Zeit voll Größe und Schönheit, und erhaben soll es klingen, denn du sprichst in einem erhabenen Gehäuse, und das Publikum zu deinen Füßen ist von allerbesten ... (H. Kant. Die Aula. S. 463).

Как индикатор может трактоваться в этом примере компонент aller- в составе суперлатива-композиата.

Содержащиеся в обоих последних высказываниях формы с индикатором хорошо передают градацию неравенства между высшей степенью признака предмета сравнения и степенью признака объекта сравнения. Этим создаются возможности для стилистического использования в целях особого подчеркивания той или иной приметы.

Характерной формой репрезентации суперлатива в его сравнительном значении является сложноподчиненное предложение с определительным придаточным. Основание сравнения и предмет сравнения выражаются в главном предложении, а придаточное предложение дает темпоральное или локальное (квазитемпоральное и квазилокальное) определение объекта сравнения:

1. Er war in der schlimmsten Lage, in die ein Lehrer nur geraten kann: Er wurde nicht ernst genommen. (H. Kant. Die Aula. S. 111).

2. So kam es, daß die ersten zehn Wahlredner in der vollbesetzten Aula insgesamt nur vierzehn Minuten der Versammlungszeit benötigten und daß diese knappe Viertelstunde zu den fröhlichsten zählte, die seit Errichtung des Festsaaes durch den Baumeister Andreas Mayer und unter den gemalten Augen der gloriwürdigen Herzöge von Pommern-Wolgast verstrichen waren. (H. Kant. Die Aula. S. 206-207).

Придаточные предложения несут, как это видно, значение усиления степени признака, но эта интенсивность ограничивается темпорально или локально, иногда же передается без всяких обстоятельственных ограничений, например:

Hagedorn bemühte sich, während er spürte, wie ihm der Schweiß aus den Achselhöhlen rann, und während er unaufgefordert Haltung annahm, das ergebenste, dümmste Kommißgesicht aufzusetzen, dessen er fähig war. (M.W. Schulz. Wir sind nicht Staub im Wind. S. 70).

Сложносочиненное предложение также может быть формой репрезентации релятивного значения суперлатива, образуя для него благоприятный контекст. Через это достигается эксплицитное выражение всех компонентов структуры суперлатива:

Es war sein Steckenpferd, verworrene Schachtelsät-

ze zu konstruieren, die er mit strenger Logik zu Ende sprach; er hielt die Klasse mit diesen Sätzen in Spannung, er vollendete auch den schwierigsten Satz und heimste das ehrfürchtige Aufatmen der Schüler als Beifall ein. (D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. S. 17).

Такого рода передача является максимальной экспликацией, она однозначно выражает высшую степень признака предмета, сравниваемого с ограниченным множеством объектов, обладающих тем же признаком.

Говоря о несравнительном или абсолютном значении суперлатива, следует подразумевать то, что принято обозначать лингвистическим термином "элатив". При попытках дефиниции элатива его объясняют как суперлатив прилагательных и некоторых наречий в их абсолютном, безотносительном, несравнительном значении (Мюллер А.Я. 1962, 24).

Правомерно считать истиной, что при восприятии высокой степени признака предмета, но вне сравнения с заданной мерой этого признака для других предметов, произвольно осуществляется соотнесение с некой объективной нормой. Представление о ней присутствует в сознании, служит как бы точкой отсчета для осмысления меры признака. Нередко к объективному представлению добавляется при передаче и субъективное отношение к проявлению или восприятию признака, могущее быть окрашенным эмоционально-экспрессивными оттенками, что уже создает аффективный фон отражения степени признака. Совмещение объективности и аффективности вместе с внутренне осознаваемой градацией по критерию нормы до высочайшей степени признака и лежит в основе семантической структуры элатива:

1. Die Stimme gemäßigt, doch voll giftigsten Hohnes, antwortete er: "Und das predigt mir einer, der, wenn er eine gute Stunde hat, einen Pferdearsch zustande bringt". (L. Feuchtwanger. Goya. S. 87).

2. Er wurde ironisch, das war der Ausdruck höchsten und gefährlichsten Zornes. (D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. S. 18).

3. Durch kluge Verwertung dieser drei Daten habe sich der bewußte junge Herr den Ruf höchster Gelehrsamkeit erworben. (L. Feuchtwanger. Goya. S. 100).

Благодаря элативу, в приведенных предложениях получен эффект выделенности высшей степени качества (без сравнения) и отношения к нему.

1. "Komm her, du Radiot!" brüllte Brauer, offenbar in bester Laune. (B. Apitz. Nackt unter Wölfen. S. 130).

2. Und es sei alles in bester Ordnung, aber der Bruch in der Klasse war nicht mehr zu verkitten. (J. Brézan. Der Gymnasiast. S. 205).

В данных же двух примерах элатив не создает вышеуказанного эффекта, он передает почти нейтрально-объективную констатацию. Согласно Г. Бринкману, это нужно понимать как воплощение прилагательным в форме элатива полной реализации определенного признака (... daß der

mit dem Adjektiv gesetzte Wert vollkommen verwirklicht wird), как и в случаях: mit herzlichsten Grüßen, die größte Freude, die neuesten Nachrichten (Brinkmann H. 1971, 122).

Вариантом элатива можно считать сочетание формы суперлатива на -(e)st с предложным слиянием aufs:

Höfel ging schweigend nebenher, er war aufs tiefste erregt, Bochows Einwand nahm ihm alles weg. (B. Apitz. Nackt unter Wölfen. S. 32).

Таким образом, в семантике форм, отражающих превосходную степень имен прилагательных, объединены как подлинное значение сравнения, так и полное отсутствие такового. Это особое свойство складывалось в степенях сравнения, по всей вероятности, в течение длительного времени под влиянием стимулов, порождавшихся и постоянно поддерживавшихся функциональной сферой языка.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Карабань И.А. Элатив и суперлатив. - Вестн. Белор. Госуд. ун-та. Минск, 1970, № 3, с. 35-40.

Мюллер А.Я. Элатив и его синонимы в немецком языке. - Дис. канд. филол. наук. Львов, 1962, 252 с.

Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Düsseldorf, 1971, 940 S.

STRUKTURELL-SEMANTISCHE EIGENSCHAFTEN DES SUPERLATIVS DER DEUTSCHEN ADJEKTIVE

T. Glušak, L. Fedorova

Z u s a m m e f a s s u n g

Die Grundbedeutung des Superlativs besteht im Ausdruck des höchsten Grades einer Eigenschaft bei einem Objekt im Vergleich zum Grad derselben Eigenschaft bei anderen Objekten. Die Komponenten des Vergleichs (comparandum, comparatum, tertium comparationis) müssen nicht in jedem Falle explizit ausgedrückt werden. In Abhängigkeit vom Grad der Explizität ihres Ausdrucks werden in der vorliegenden Arbeit Varianten der Realisation der Invariante des Vergleichs beschrieben. Der Superlativ kann auch in der absoluten Bedeutung, zum Ausdruck eines sehr hohen Grades einer Eigenschaft gebraucht werden. In diesem Falle erfolgt sein Gebrauch ausgehend von einer objektiven Norm, die im Bewußtsein des Sprechers existiert und durch emotionalexpressive Schattierungen überlagert wird. Infolgedessen gehören zur semantischen Struktur des Elativs sowohl subjektive als auch affektive, subjektive Elemente.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС И КОММУНИКАТИВНАЯ СУЩНОСТЬ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Н.Н. Голикова

Вопрос о сути присоединения как языкового явления не получил однозначной трактовки в лингвистике, соприкасаясь с вопросом о существовании других, подобных ему конструкций, на фоне которых не всегда легко вычленишь и обосновать специфические признаки собственно присоединения в том или ином языке. Особенно непроясненной в этой связи является проблема разграничения присоединения и парцелляции. Сравнивая их, парцелляцию определяют то как разновидность присоединения (Валгина, 1968, с. 279; 1973, с. 262), то как нечто самостоятельное, а присоединение признают явлением с более широким диапазоном функциональной значимости, чем парцелляция.

"Присоединительными называются такие конструкции, в которых фразы часто не умещаются в одну смысловую плоскость, образуют ассоциативную цепь присоединений" (Виноградов, 1941, с. 576-577). Данное определение В.В. Виноградова кладется в основу многих частных подходов к рассматриваемому явлению, и при этом указывается прежде всего на такую характерную особенность присоединительных конструкций, как "интонационный и синтаксический разрыв между ними и основным высказыванием", благодаря которому они приобретают свойство коммуникативной выделенности (Валгина, 1973, с. 263). В иной формулировке это именуется прерывистым характером синтаксической связи между основной мыслью-предложением и присоединенной к нему дополнительной мыслью, которая маркируется особой интонацией после сравнительно долгой паузы. По содержанию собственно присоединительные конструкции понимаются именно как добавочные сообщения, уточняющие, поясняющие, развивающие основное высказывание и используемые в коммуникации для придания речи особых логико-смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков. С подобным эффектом всегда бывает связано выдвигание члена (членов) высказывания, специальное подчеркивание его (их) веса в передаваемом содержании.

Если существование собственно присоединения как феномена языка не вызывает сомнений у лингвистов, то парцелляцию признают не все. Например, Е.А. Реферовская считает это понятие неубедительным, поскольку его теоретическое обоснование сводится к тому, что задуманное первоначально цельное

предложение-высказывание, еще не будучи облеченным в слова, т.е. высказанным, разделяется на отрезки, один из которых помещается графически после точки, т.е. по окончании высказывания. Трудно представить себе, по ее мнению, чтобы говорящий отрывал часть целно задуманного высказывания уже в ходе сообщения, делал ее добавочной и помещал после паузы, означающей завершение высказывания. Добавочная часть тоже должна быть задумана заранее, к тому же она может хорошо входить в структуру основного высказывания (Реферовская, 1983, с. 23-24). В такой критике содержится один главный момент: в процессе речетворческого континуума, в потоке связанного с ним мышления незачем разрывать целостную мысль и подавать ее часть в виде добавочного высказывания.

С приведенной критикой трудно согласиться, ее опровергают многочисленные факты языковой реализации мыслительного содержания. Можно привести хотя бы следующие трактуемые лингвистами примеры (из текстов) на русском и немецком языках:

"Дело мы делаем великое, и сделали немало, а недостатки есть - и серьезные". (Валгина, 1973, с. 264)

"Hier lebe ich wie ein Mensch - aber ein unnutzer!"

Первый из них Н.С. Валгина объясняет так, что отделенная часть (она подчеркнута) представляет собой добавочное суждение, посланное "вдогонку" основной мысли. Во втором, интерпретируемом Л.И. Соколовой (Соколова, 1981, с. 64) в общем русле рассмотрения явлений присоединения и парцелляции, утверждается и доказывается аналогичный факт. Понимание обоих примеров в предлагаемом аспекте обеспечивает не столько грамматическая структура выражающих предложений, сколько учет намерения коммуниканта-отправителя информации, в сознании которого вторая мысль возникла внезапно, "вдогонку" уже высказанному. Конечно, за самой грамматической структурой может стоять в принципе иное намерение говорящего: его желание подчеркнуть, что и "серьезные недостатки", и черта "бесполезности человека" (конкретного лица) были даны изначально, составили цель высказывания, в котором поэтому соответствующее звено получает усиление за счет употребления конструкции, похожей на присоединительную. Но происходит не собственно присоединение, конструкция представляет парцелляцию, благодаря которой реализуется иное "намерение" коммуниканта. Синтаксико-коммуникативная суть этого явления заключается в том, что расчленяется тема, тогда как при присоединении рема

получает добавочную рему. Парцелляция как феномен языка означает намеренное усечение предложения, его редукцию, с которой связан эффект информационной компрессии основной мысли и в то же время особого выделения ее отсеченной части. И по характеру синтаксической связи парцелляция отличается от присоединения, главным образом по направленности связи, на что указал, в частности, В.Д. Девкин (Девкин, 1974, с. 25): у парцелляции связь направлена центробежно, у присоединения — наоборот, центростремительно.

При всей важности отмеченных синтаксических и стилистических различий, правильное, однако, видеть существенные различия между парцелляцией и присоединением в их функциональной (коммуникативной) природе, обусловленной экстралингвистическими факторами. Без распознавания этих факторов высказывание не может быть воспринято адекватно, т.е. не может быть "разгадано" с той точки зрения, почему оно закодировано коммуникантом-отправителем в такую форму языковой передачи, как предложение с конструкцией отделения, и что должна означать само это отделение. Функциональную значимость явления нельзя установить иначе, как через изучение его роли на фоне текста.

Оба анализируемые феномена выступают как значимые средства текстообразования, хотя их текстообразующие и тем самым коммуникативные потенции различны. Парцелляция, как было сказано, выполняет темадифференцирующую функцию, т.е. служит вычленению новых тем в рамках заданной основной темы; присоединению же свойственна ремадифференцирующая и, следовательно, темаинтегрирующая функция — объединение ремы, выражаемой добавочным суждением, с темой основного суждения. Данное общее обоснование специфики не означает, конечно, снятия дискуссионных вопросов в проблеме взаимоотношения обоих языковых явлений — присоединения и парцелляции, в более широком плане — в рамках сложного вопроса о присоединительных конструкциях. Основные из этих вопросов интересно рассмотреть подробнее, иначе не будет полной ясности в представлении о характере проблематики и о тех решениях, которые предлагались и предлагаются лингвистами.

В 60-х годах Н.Ю. Шведова писала, что, несмотря на обилие терминов, явление расчленения предложения на две или более частей, равно как и добавление к относительно завершённому предложению какого-нибудь отрезка, отмечается во всех языках как "тенденция к интенсивно-значимому расчленению вы-

сказывания" (Шведова, 1964, с. 16). Речь шла об активных процессах в синтаксисе современного русского языка. Можно в этой связи говорить и о явлениях коммуникативного синтаксиса вообще, который прямо связан с функциональной стороной языковых явлений. К такому выводу пришли многие лингвисты, и Л.И. Соколова, например, говоря о присоединительных конструкциях, полагает, что они представляют собой в процессе коммуникации "переходное звено от синтаксиса предложения к синтаксису большого текста" (Соколова, 1981, с. 67). В.Д. Девкин видит исходную базу этих конструкций в двойственности функций: по коммуникативному назначению они выступают как предложения, по структуре же — как части (члены) предложения. Выполнение отдельными частями (словами или словосочетаниями) функции предложения особенно характерно для разговорной речи: в ней постоянно происходит либо добавление чего-то к уже высказанному, либо расчленение целостной мысли, ведущее к обособлению соответствующих членов предложения (Девкин, 1974).

Теоретически новую позицию воплощает в своей концепции Е.В. Литвиненко, различая присоединение и парцелляцию в ракурсе проблемы язык-речь: присоединение — это синтаксическая категория, выражающая логико-грамматическое отношение добавления в языке, т.е. категория добавочного суждения; парцелляция принадлежит речи, поскольку "парцеллированное предложение — это речевой вариант цельного (нерасчлененного) предложения — языкового инварианта" (Литвиненко, 1982, с. 63, 65). Из подобного понимания следует, что в случае присоединения необходимо иметь в виду особый тип отношений в языке (отношения добавления), а в случае парцелляции — особый способ, прием оформления речи, суть которого заключается в усечении, редукции части предложения и ее специальном выделении. Парцеллироваться может что угодно, в том числе и присоединительная конструкция.

Разработаны перечни признаков, устанавливающие сходство и различие обоих рассматриваемых явлений. Так, согласно Л.И. Соколовой, присоединение воплощает а) синтаксическую категорию; б) стилистический прием сцепления предложений и групп слов; в) синтаксическую связь; г) отрезок речевой цепи, присоединяемый к предшествующему цельносоставному предложению. Парцелляция выступает как а) синоним понятия "присоединения"; б) обозначение явления более узкого, частного, чем присоединение; в) явления, отличающегося от при-

соединения, в чем-то ему противоположного (Соколова, 1981, с. 64).

Если теоретические положения всех приведенных концепций представляют бесспорный интерес и производят убеждающее впечатление, то авторские трактовки примеров из текстов не всегда согласуются с теорией, вследствие чего остаются неясность, впечатление противоречивости и др. Можно проиллюстрировать это конкретно. Высказывание "Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались - навсегда" (А.П. Чехов) поясняется Н.С. Валгиной как структура с присоединением, но столь же вероятно думать, что она отражает парцелляцию. Двухзначной может быть и трактовка высказывания: "Было даже страшно, иногда" (М. Горький). Сомнение возникает из-за того, что нет четких указаний на намерение коммуниканта-отправителя речи: хотел ли он добавить или разделить. Аналогичное отношение создается и к нижеследующим примерам на немецком языке. Высказывание (из текста)

"Erlaube mal, es ist ein sehr guter Wagen. Für fünfundzwanzig Mark". (H. Fallada)

М.Я. Байс (Байс, 1967, с. 139) понимает как структуру с присоединением, хотя ничто не препятствует тому, чтобы понимать его как структуру с парцелляцией. Второй пример

"Und so sind die Nächte: ... Heiß und hektisch. Erregt!"
(W. Borchert)

В.В. Гаврилова (Гаврилова, 1969, с. 20) также приводит в качестве реализации присоединения. Но это может быть и парцелляция.

Здесь снова уместно обратить внимание на то, что различие между обоими явлениями на основе синтаксических и даже стилистических признаков установить трудно. Оно не может быть убедительно обосновано без учета экстралингвистических факторов - ситуации коммуникации, намерений коммуникантов и др. В прямом (устном) выражении различие между парцеллированными и присоединительными конструкциями, как на это указывают исследования, сигнализируется характером интонации, последняя же непосредственно зависит от названных коммуникативных факторов. Можно формально, т.е. внешне, и парцеллированные и присоединительные конструкции относить к одному общему типу логико-грамматических отношений - отношениям присоединения, которые отличаются от причинно-следственных и др. отношений в предложении. Но сама их внешняя (позиционная) обособленность в структуре предложения-высказывания служит,

как кажется, не указанием на то, что они составляют категорию синтаксиса предложения, а указанием на статус категории построения текста. А из такого понимания вытекает, что идентификацию каждой из конструкций следует осуществлять не на уровне предложения и в его границах, а на основе и в границах текста, контекста, под которым естественно понимать ситуацию коммуникации.

В ракурсе теории текста правомерно пойти еще дальше: для коммуниканта-получателя информации (реципиента) не могут быть важны формальные признаки передаваемого сообщения, во всяком случае они менее важны, чем смысл, который он стремится воспринять максимально адекватно, с опорой или без явной опоры на формальные указатели. Адекватное восприятие весьма часто предполагает выход за рамки текста. Это становится понятным, если иметь в виду, что обсуждаемые конструкции способны соединять не только информацию, которая выражена в тексте, но и ту, которая наличествует где-то в более широком контексте или в фоновом знании, в пресуппозиции. Идентификация парцелляции и присоединения, как и любого другого явления языка, сложна под таким углом зрения, она требует, чтобы исследователь превратился из наблюдающего текст в активного участника коммуникации, проникся коммуникативными намерениями участников, спецификой ситуации, уловил все то, что остается "за кадром" языкового отображения.

Затронутые вопросы выводят, таким образом, в широкую проблему семантики текста, его логико-смыслового членения. Согласно замечанию Ю.В. Ванникова, "в членении текста отражаются и "индивидуальный выбор" (точка зрения отправителя информации) и "социальная норма" — пресуппозиция, фоновые знания как способ расчленения..." (Ванников, 1979, с. 36). На необходимости различать между социальной нормой и индивидуальным выбором фактически и базируется декодирование, т.е. понимание и интерпретация смысла текста. И если получатель информации в каком-то конкретном случае неправильно истолкует конструкцию как присоединение, или как парцелляцию, то в этом будет повинен лишь один момент: он не расшифровал "секретов выбора" коммуниканта-отправителя информации. Как уже отмечалось, в случае прямой вербальной коммуникации реципиент делает это без особого труда, поскольку преднамеренность или непреднамеренность присоединения здесь достаточно отчетливо маркируется интонацией, мимикой, мно-

гими паралингвистическими указателями. Иначе обстоит дело с опосредованной текстовой коммуникацией, при попытке оценить которую и "проникнуть" в намерения коммуникантов настойчиво заявляет о себе потребность знать текст в целом. Только на цельной текстовой основе возможно во всех случаях правильно вскрыть смысл, восстановить невыраженные контекстуальные сигналы, проникнуть в суть намерений коммуникантов, в проблему изначальной заданности или спонтанности выдвижения того или иного фрагмента мысли, представляющего графически в виде обособленной структуры.

Резюмируя изложенное, следует сказать, во-первых, что проблема связи между присоединением и парцелляцией, их сходства и различия, тех критериев (грамматических, семантико-стилистических, коммуникативных), которые позволяли бы разграничивать или идентифицировать оба явления, остается во многих ее аспектах нерешенной и в связи с этим стоит на повестке для лингвистических исследований в качестве одной из актуальных задач не просто синтаксиса или стилистики языка, а коммуникативной лингвистики в целом. Во-вторых, всякое новое решение этой проблемы на материале конкретного языка (русского, немецкого и др.) будет являться вкладом в общую теорию языкознания, поскольку в рамках раскрытой выше проблематики скрещиваются важные вопросы синтаксиса, семантики, стилистики и лингвистики текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайс М.Я. Присоединительные конструкции диалогической речи и их стилистическое использование в современном немецком языке. - В кн.: Вопросы синтаксиса, стилистики и методики преподавания немецкого языка. Уч. зап., т. 318, ЛГПИ им. Герцена, Л., 1967.
- Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1973.
- Валгина Н.С. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968.
- Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.
- Виноградов В.В. Пушкин и русский литературный язык XIX в. - В кн.: Пушкин - родоначальник новой русской литературы. М., 1941.
- Гаврилова В.В. Присоединительные конструкции и их стилистическое использование в произведениях современной немецкой художественной литературы. АКД. Л., 1969-20с.
- Девкин В.Д. Особенности разговорного синтаксиса (на материале немецкого языка). - В кн.: Вопросы немецкой разговорной речи. М., 1974.
- Литвиненко Е.В. Грамматическая сущность и природа явления парцелляции. (К проблеме разграничения парцелляции и присоединения). - В кн.: Структурно-семантические взаимосвязи в синтаксисе романских языков. Днепропетровск, 1982.

- Соколова Л.И. Присоединение или парцелляция? (К вопросу о варьировании в коммуникативном синтаксисе). - В кн.: Вопросы грамматического варьирования. Иркутск, 1981.
- Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. М., 1983.
- Шведова Н.Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе. - ВЯ, № 3, 1964.

LINGUISTISCHE STELLUNG UND KOMMUNIKATIVES WESEN DER NACHTRAGSKONSTRUKTIONEN

Nina Golikova

R e s ü m e e

Es handelt sich im Artikel um das Problem der Beziehungen zwischen Nachtrag und Parzellierung, ihrer Ähnlichkeit und Unterschiede. Die Abgrenzung oder Identifizierung beider Erscheinungen verlangt nicht nur linguistische Untersuchungen auf dem Gebiet der Syntax oder Stilistik der Sprache, sondern auch die Betrachtung vom Standpunkt der Textlinguistik und Kommunikationslinguistik aus, die moderne Richtungen in der Sprachwissenschaft darstellen und aus diesem Grund intensiv ausgearbeitet werden.

LEXICAL MEANS OF IMAGERY
IN IRIS MURDOCH'S NOVELS
Urve Hanko, Gustav Liiv

Image is regarded as a word-picture used by a writer to illustrate, illuminate and embellish his thought (Spurgeon, 1966, p. 9). It is also referred to as word-music creating certain visions in the reader's mind (Guetti, 1980).

Imagery enables the writer to impart to the reader a conception of life either of his own or of his personages (Арнольд, 1973, p. 74). It transmits to the reader through the emotions and associations it arouses the depth and richness of the way the writer views (Spurgeon, 1966, p. 9).

This paper is concerned with the lexical means of Iris Murdoch's imagery. The analysis is concentrated on the principal functions of her images as well as their characteristic forms and patterns (cf. Ullmann, 1960). The novels examined include two Gothic or "black" novels: "A Severed Head" (1961) and "The Time of the Angels" (1966), and two Platonic ones: "Bruno's Dream" (1969) and "The Black Prince" (1973).

Iris Murdoch is a philosophic writer living in a world of symbols, created by her changing and sometimes interrelated concepts (Ивameза, 1983, p. 233). She herself has stated that we live in myth and symbol all the time (Byatt, 1976, p. 29). Images clustered around the central themes and thus becoming symbols are typical of her philosophical novels.

The motif of fog ("the Murdochian fog") is frequently applied by the writer to evoke the manifestation of evil. In "The Time of the Angels", a novel with marked Gothic elements, the fog has become a recurrent motif symbolically foreshadowing the impending disaster. The fog is perceived by the occupants of the vicarage as a mysterious hostile power.

Ever since their arrival the fog had enclosed them ...
The fog hummed intermittently with mysterious sounds... (21)
The interminable fog was making them all a bit nervy. (96)
Muriel, the Rector's daughter, complains that she feels being "besieged" (36), and Pattie, the black servant, is terribly oppressed by the fog (78). Marcus, the Rector's

brother, is overwhelmed by the darkness of the house, caused by the fog (8).

The emotive force of the fog motif has been amplified by various stylistic devices attached to it, such as personification, simile, antithesis, etc.

The fog like a hushed lifted finger... The close thick dome of fog... the hazy air stroked her cheek with a cold, damp touch... The fog excited her... Curling, creeping, moving and yet still, always receding and yet always present, everywhere and yet nowhere... it seemed to symbolize everything which at this time she feared.

(58)

On the day of Carel's death the end to the power of evil is symbolized by the clearing of the fog (205), and after his death the fog goes, too (212).

The fog is also a recurrent motif in "A Severed Head". It enhances the desolation of Martin, the first-person narrator, on learning that his wife is leaving him.

A thick yellow fog had covered London all day, turning the day to night... (57)

The fog motif also amplifies the sense of hostility Martin perceives on entering his ex-wife's house:

The front door was open and outside, hung like a blanket a yard from the opening, was the fog, yellow, opaque, infernal, completely still. (136)

The image of fog also symbolizes Martin's confusion of feelings:

The task of peering through the mist was becoming exasperating and painful. I cannot see, I said to myself: it was as if some inner blindness were being here tormentingly exteriorized. I saw shadows and hints of things, nothing clearly at all. (148).

The fog motif is relatively less frequent in Iris Murdoch's Platonic novels. In "The Black Prince" the image of fog occurs but once symbolizing the impending disaster which ends Bradley's short spell of happiness:

The next day the mist was... still moving in from the sea with a sort of relentless marching motion, passing by the house in a steady purposive manner like a shadowy army bound for some distant hosting. (319)

The rain is another natural phenomenon serving as a symbol in Iris Murdoch's novels. In "Bruno's Dream" the motif

of rain becomes a symbol of despair. It amplifies Danby's feeling of depression after the loss of Lisa, his beloved:

The rain was pouring down, appearing suddenly in the lamplight, dense, sizzling, glittering like gramophone needles. (167)

His sorrow is reflected in that of personified rain:

A flurry of rain filled the silence with a sort of long sigh. (177)

The motif of rain amplifies the desolate state of mind of another character, Adelaide, after her failure in her love affair (189, 191). As a symbol of a hostile power the image of rain also enhances the climax of the novel: Adelaide alone in the house with the dying old man Bruno:

It was raining, raining, raining... She felt frightened... The rain had darkened the whole afternoon. (222)

Another image in the novel is dream, occurring already in the title of the novel as a symbol. As Iris Murdoch herself has put it, the motif of dream has been applied to Bruno to denote his lifelong unconsciousness of the realities of life, of the rights and demands of other people, of the existence of 'others' altogether (Ивашева, 1983, p. 224).

It's all a dream, he /Bruno/ thought, one goes through life in a dream... There is just the dream, its texture, its essence, and in our last things we subsist only in the dream of another, a shade within a shade... (12-13)

Other characters in the novel also lead a dreamlike existence. Miles seems to have withdrawn from his surroundings into "a condition of remote dreamlike helplessness" (233). To Diana her marriage to Miles was "the perfect working out of a dream" (58). To Adelaide the years with Danby seemed "an insubstantial dream" (222).

In the Platonic novels Plato's concepts of Eros and Thanatos - love and death - serve as major symbols. In "Bruno's Dream" the structure of the novel is based on the Platonic opposition of Eros and Thanatos. The theme determines the tonality of the novel, Thanatos prevailing over Eros (Ивашева, 1983, p. 223). One of the main characters, Miles, is depicted as a prey to conflicting powers:

Eros and Thanatos: a false pair and a true pair. (165)

The symbol of death prevails in his thoughts of his deceased wife:

Eros had changed into Thanatos, and now even the face

of Thanatos was veiled. (55)

The motif of death occurs even in the outwardly happier periods of Miles's life. Thus his first embrace with Lisa, his beloved, is "a moment of black blissful death" (149). Lisa, too is haunted by the image of death:

Oh God, to have found you like this, and to know it's death at the same time. (150)

In the end of the novel Miles is irreversibly dominated by the symbol of death:

A tall cold angel, chilly and strong as a steel shaft, seemed to be materializing, never more to leave his side. The angel of death... (235)

Plato's philosophic conception - love conquering death - is presented through the image born in Diana's mind at Bruno's deathbed:

Let love like a huge vault open out overhead... She lived the reality of death... Yet love still existed and it was the only thing that existed. (269)

In another Platonic novel, "The Black Prince", the theme of demons ruling over the characters reminds the reader of Iris Murdoch's Gothic novels (Ивемева, 1983, p. 219). The title itself can be regarded as symbolic: the image of the Black Prince suggests the black Eros, the leit-motif of the whole work of fiction. Eros enters the life of the characters presenting different aspects of love: Bradley's passion, Julian's passing fancy, Rachel's demonic obsession (Ивемева, 1979, p. 182).

Plato's philosophic conception that human love is the gateway to all knowledge is expressed symbolically as seen by Bradley, the first-person narrator:

And the black Eros whom I loved and feared was but an insubstantial shadow of a greater and more terrible godhead.* (390)

Occasionally periphrastic variants of the same image such as "the dark lord" (252), "dark shadow" (209) can be found.

Imagery also serves as an important means of portrayal in Iris Murdoch's novels. In the Gothic novels under review, a whole image-sequence is centred upon the main character,

---

* Iris Murdoch herself has connected her Black Prince with both Eros and Apollo, the god of poetry (Ивемева, 1983, 225).

amplifying his enigmatic and symbolic nature.

Carel, the demonic personage in "The Time of the Angels", is seen as "the troll King" (34) by his daughter Muriel and as "a tower of darkness" (33) by Pattie, the black servant. Carel's tormented mind, eventually leading to his self-destruction, evokes a series of images in the members of his family and household. Pattie has always seen him as "a soul in the hell" (32); Marcus, his brother, fears the revelation in Carel of "that black seething universe... like an ants' nest, like a smear of insects' eggs upon the tip of his finger" (115). After Carel's death Marcus remembers his brother as "a great light, smoky and lurid" (217). Carel's mysterious evil power over the lives of others is repeatedly symbolized by the image of a swarm of bees: before Muriel, wanting just once to act as a rational independent creature, an apparition rises, a stifling darkness buzzing in the corner of the room "like a tower of bees" (130). Carel's love evokes a similar image in Pattie: she feels a darkness enter into her "like a swarm of bees" (27).

In another Gothic novel, "A Severed Head", Honor Klein, the central character, is depicted by the author as a woman possessing primitive power of genuine passion and acting as an intruder in the enchantment of untruth. The images applied to her present Honor Klein as a hostile and aggressive force, formidable in her truthfulness. This is how she is portrayed by Martin, the first-person narrator:

She appeared to me for a second like some insolent and powerful captain, returning booted and spurred from a field of triumph, the dust of battle yet upon him, confronting the sovereign powers which he was now ready if need be to bend to his will. (68)

It is Honor's face that troubles Martin and evokes various images in his mind: "her troll-like face" (86), "her solemn face of a Hebrew angel" (221), "like a face in a Spanish religious painting" (134). Honor's eyes are a constant source of uneasiness for Martin:

I could still feel Honor's eyes upon me like a cold sun. (215)

There was something animal-like and repellent in that glistening stare. (64)

Numerous images reflect the demonic power of Honor Klein over Martin:

Inevitably now Honor certainly seemed to be, vast across my way, as the horizon itself or the spread wings of Satan. (150)

The love Honor evokes in Martin is symbolized as something destructive in its primitive force: "a monstrous love", "the terrible figure of Love as pictured by Dante" (152).

The image applied by Honor Klein to herself (serving also as a symbolic title of the novel) provides a key to understanding her mission as a prophet of truth:

I am a severed head such as primitive tribes and alchemists used to use anointing it with oil and putting a morsel of gold upon its tongue to make it utter prophecies. (221)

While in "The Time of the Angels" images as a means of portrayal play a minor role in the depiction of other characters, they have a more prominent function in "A Severed Head". People belonging to a London society devoid of passion or convictions are depicted as members of an artificial world. Antonia, Martin's ex-wife, is "like some rich gilded object... or... one might compare her to the water-hunted sunlight on an old pavement of Venice" (17). Palmer, Antonia's lover, is looking in his embroidered robe "like some casual powerful emperor in a Byzantine mosaic" (129). Together they seem "like deities upon an Indian frieze... distant and serene" (67). Several images serve to emphasize Martin's lack of will-power: "I am a broken reed" (114). His girl-friend calls him "a sort of vacuum into which interference rushes" (125). At the same time Honor urges Martin to "become a centaur" and kick his way out of the untruth (76).

In the Platonic novels imagery as a means of portrayal takes a somewhat different pattern. Unlike the Gothic novels, in which imagery is predominantly clustered around the most symbolic and enigmatic characters, images are distributed more evenly here.

A recurrent motif is often applied to a personage. For instance, in "Bruno's Dream" the spider motif is used with Bruno, the old dying man, spiders having been his lifelong passion:

He had a face now like one of his spiders. (11)

The spider motif is developed further to depict Bruno's

mental and emotional world:

He had drawn the web of his emotions back inside himself with not a thread lost. (70)

Bruno's deceased wife and his daughter are immersed in his consciousness "like specimens in formalin" (13).

The repetition of the wolf image portrays Miles, Bruno's son-in-law, as a ruthless character:

He showed his wolf's teeth unsmilingly. (138)

One and the same motif sometimes recurs being applied to different characters reflecting the change of their roles in the novel. Thus, for instance, the image of a bird with a broken wing is used as a symbol of two sisters, Lisa and Diana:

... he had got so used to seeing Lisa through Diana's eyes as a bird with a broken wing. (138)

At the end of the novel the image is transferred to Diana, Miles's neglected wife:

Now it was Diana who was the bird with the broken wing who could ever after be trailing her feathers in the dust. (203)

One and the same motif is sometimes associated with different characters in different connotations. For instance, the moth motif is used with two different characters in the novel. Diana "was a moth that wanted to be burnt by a cold cold flame" (58). The same motif is applied to Nigel, one of the most mysterious and symbolic characters in the novel:

Nigel flutters like a moth, filling the room with a soft powdery susurrus of great wings. (72)

In the novel "The Black Prince" images as a direct means of portrayal are scarce, being restricted to a single or a few motifs attached to each personage. Bradley's perception of himself as a lonely man, as an outsider, evokes in him corresponding images:

I don't want to be a nebulous bit of ectoplasm straying around in other people's lives. (49)

As Bradley is the first-person narrator, images applied to portray other personages reflect his point of view. Francis Marloe, Bradley's ex-brother-in-law, is likened to a bear: "like a caricature of a bear" (23), "his close-set bear's peepers roving over the company" (111). Bradley's ex-wife is presented by him as a demonic creature: "a witch in my life, and a low demon" (125). Arnold, Bradley's rival, is

compared to a dog: "a pet dog, a terrier" (185).

In the novels written in the form of first-person narration images are symptomatic of the characters who use them, often becoming signs of momentary tension. In "The Black Prince" Bradley's feelings are frequently presented in hyperbolic images:

I raced about the planet like lightning, I put a girdle round the galaxy, and was back in the next second gasping with this despair. (506)

... I can fill the galaxy with bellowings of pain. (368)

In another novel presented as a first-person narration, "A Severed Head", images also serve as indices of the protagonist's emotional temperature:

Like one of Köhler's apes, my cluttered mind attempted to connect one thing with another. (149)

With a hideous rush, like blood returning to a crushed limb, I was invaded by my old love for Georgie. (190)

Among general forms of imagery personification ranges high in Iris Murdoch's novels. Everything surrounding the characters is liable to be personified in order to amplify emotional tension. Personification of houses connected with the personages is characteristic of the writer's books. In "Bruno's Dream" Danby's despair in his rival's garden is enhanced by personification:

Lighted windows of houses seemed to be all around him now, vague blank accusing eyes. (171)

In "The Time of the Angels" the foreboding of evil perceived by Marcus as he approaches his brother's house is augmented by the personification of the latter:

He held on to the house and felt a menacing heart beat inside it. (71)

In "A Severed Head" Martin's desolate feeling after his wife has left him is also amplified by personification:

... having been half-slaughtered, it /the house/ had not yet come back to life. (18)

Objects surrounding the characters are often personified, for instance, things seem to mourn Martin's loss:

It was odd that the pain worked first and most immediately through things, as if they had at once become the sad symbols of a loss which in its entirety I could not face. They knew and mourned. (38).

Personification of abstract notions is characteristic

of "The Black Prince", Iris Murdoch's most philosophical novel:

And human life... has surely put a trembling finger upon nature's most transcendent aim. (314)

Nature itself has many different and even incompatible moods. (109)

Perennial tenors of personification such as the concepts of love or time occur also in other novels by Iris Murdoch:

Extreme love has a voracious appetite. ("A Severed Head", 238)

Time, who will take over the most improbable arrangements and make them seem steady and commonplace, took over this one. ("Bruno's Dream", 47)

Another general form of imagery characteristic of Iris Murdoch's novels is the synaesthetic image, i.e. a sensation produced in one modality when a stimulus is applied to another. An aural sensation is frequently transcribed in terms of visual sense or vice versa:

Georgie still kept my gaze. At such moments her intelligence and her lucidity made her beauty ring like a silver coin. ("A Severed Head", 9)

A visual sensation is sometimes presented through a tactile sense:

The darkness in the room was velvety without any vestige of light. Marcus fumbled it like cobwebs from in front of his face. ("The Time of the Angels", 74)

Besides, emotions are sometimes conveyed in terms of olfactory or tactile senses:

A familiar feeling of depression... came to her from her father like an odour. ("The Time of the Angels", 112)

Seeing Rachel there in the flat was like a bad trip in a time machine. There was a memory-odour like a smell of decay. ("The Black Prince", 354)

I could feel her intimate insistent will bent upon the girl. It was almost palpable, like a warm electric fire. ("A Severed Head", 105)

Of various general patterns of imagery the sequence of images centred upon the same theme is often used by Iris Murdoch in her novels, especially in their emotional passages:

I felt like a stag when it can run no further and turns and bows its head to the hounds. I felt like Actaeon condemned and cornered and devoured. ("The Black Prince", 262)

Waiting in fear is surely one of the most awful human tribulations. The wife at the pit head. The prisoner awaiting interrogation. The shipwrecked man on the raft in the empty sea ("The Black Prince", 292)

Development of an image can also be found, although this pattern is less frequent in Iris Murdoch's novels:

And he... had ceased to be. From that great light, smoky and lurid, the central incandescence had been removed and the glow would soon fade away. ("The Time of the Angels", 217)

Imagery in Iris Murdoch's novels serves as a refined and precise instrument for portrayal. In terms of artistic merits the metaphorical element should be appreciated for its sharpness of perception and its imaginative boldness. And what is more important, serving as major symbols, imagery reveals Iris Murdoch's mode of vision, reflecting her philosophical conceptions.

R E F E R E N C E S

- Byatt A.S. Iris Murdoch. London, 1976.
Guetti J. Word-Music. New Brunswick, 1980.
Spurgeon C.F.E. Shakespeare's Imagery and What It Tells Us. Cambridge, 1966.
Ullmann S. The Image in the Modern French Novel. Cambridge, 1960.
Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
Ивашева В.И. Что сохраняет время. М., 1979.
Ивашева В.И. Эпистолярные диалоги. М., 1983.

S O U R C E S E X C E R P T E D

- Murdoch I. A Severed Head. - New York: The Viking Press, 1964.
Murdoch I. Bruno's Dream. - London: Panther Books, 1969.
Murdoch I. The Black Prince. - London: Penguin Books, 1982.
Murdoch I. The Time of the Angels. - London: Panther Books, 1978.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА В
РОМАНАХ АЙРИС МЕРДОК

У. Ханко, Г. Лийв

Р е з ю м е

В статье рассматривается система образов в так называемых готических и платонических романах современной английской писательницы Айрис Мердок. Анализ дается на основе четырех романов: "Отрубленная голова", "Время ангелов", "Сон Бруно" и "Черный принц". Выясняются функции образов в названных романах, особенно обращается внимание на роль образа в выражении философской концепции автора.

ЯВЛЕНИЕ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ
В ТЕКСТОВОМ ОТРАЖЕНИИ
Л.И. Копань

Повтор как широкое явление языка стал описываться и исследоваться сравнительно недавно. Касаясь же истории этого вопроса, мы можем отметить, что первые исследования повтора сводились к изучению только его различных стилистических функций – усиления высказывания, повышения экспрессивности, выделения наиболее значимых компонентов. И считалось в целом, что "повтор – стилистическое средство, специфика которого заключается в усилении мысли или эмоции автора или героя". В этой связи основная стилистическая функция повтора была постулирована как функция усиления эмоционального воздействия на читателя (Кухаренко, 1955, с. 7).

Постепенно, однако, назревала необходимость в углубленном изучении структурных и композиционных особенностей повтора с точки зрения его способности выступать средством воплощения контактных и дистантных связей. Это было связано уже с развитием области языкознания, получившей название лингвистики текста.

Обращение к тексту проявилось как стремление вычленить такое функционально-языковое образование, в котором полностью реализуются возможности языка, функционально-коммуникативные потенции его отдельных явлений. Отправным моментом при этом послужило положение, согласно которому система языка сама по себе, как бы всесторонне она не изучалась, остается преимущественно объектом абстрактного осмысления без её наблюдения в реализации, а реализацию она получает именно в тексте, точнее в текстах разного типа и назначения (Золотова, 1979, с. 3). В текстовых условиях все языковое обретает реальное существование и реальные функции, язык предстает как средство осуществления коммуникации. Исследования в области лингвистики текста и подчиняются цели раскрытия и обоснования коммуникативной сущности языка, которая может быть достигнута посредством наблюдения и анализа его единиц, форм, конструкций и проч.

Таким образом, вполне естественно среди исследовательских проблем языкознания актуальной оказалась проблема разграничения повтора – выразительного средства и стилистичес-

кого приема, с одной стороны, и повтора — явления, обеспечивающего структурно-смысловую связанность целого текста, с другой (Арнольд, 1981, с. 187). Лингвистика текста предложила и более общий термин для обозначения повтора — рекуррентцию, которая стала осмысливаться в качестве главного звена строения текста, создающего в нем кореферентную соотнесенность различных номинативных единиц, их ориентацию на один и тот же денотат. Особенно отчетливо это находит свое выражение в повторной номинации (Гак, 1981, с. 206), могущей принимать различные формы реализации.

Под повторной номинацией обычно понимается назование уже ранее обозначенного в тексте денотата-лица, действия, качества в последующем развитии текстового описания, в развертывании его канвы. Само присутствие в тексте явления повторной номинации логично объяснять свойством человеческого мышления "продвигаться" от известного к неизвестному, формировать новую информацию, опираясь на прежнюю. Но вместе с логико-смысловым планом повторная номинация способна нести дополнительную информацию-эмоциональность, экспрессивность, а тем самым на основе использования повторных номинаций можно изучить определенные особенности стиля автора, его отношения к изображаемому, соотнесенность в функционировании лексической и синтаксической систем со стилистической нормой данного языка. Как это конкретизирует В.Г. Гак, "повторная номинация отражает изменение отношения субъекта к одному и тому же предмету, т.к. ослабление собственно десигнативной функции у вторичного обозначения создает условия для его разнообразного стилистического использования — от формального варьирования, носящего почти грамматический характер, до выражения тонких художественных задач" (Гак, 1972, с. 136).

Точки зрения лингвистов на функциональную значимость явления повторной номинации различны. Сторонники теории событийной (ситуативной) номинации понимают под повторной номинацией поименование в тексте формой предложения сложных референтов (ситуаций, явлений, фактов окружающего мира) и затем их повторное обозначение другими формами выражения. Предложение-высказывание считается центральной единицей коммуникативной номинации (Зернецкий, 1983, с. 7), и в его ракурсе взвешивается повторная номинация. Сторонники элементной номинации принимают за точку отсчета в текстовом воплощении словесную единицу и в плане повторной номинации — повторение ее смысла другими словесными единицами. Если ситуа-

тивной номинации часто свойственна неполнота, т.к. некоторые элементы ситуации (субъект, объект и др.) не воспроизводятся при повторном обозначении того же события, то с элементной номинацией в этом отношении дело обстоит проще. Правда, по утверждению В.Г. Гака, у обеих есть и глубинная аналогия – идентичность логико-семантических типов отношений, которые могут внутренне связывать и первичную и вторичную номинации (Гак, 1977). И та и другая могут быть конкретными, абстрактными, местоименными, метонимическими, оценочными и т.д.

Представляется, что подход с коммуникативных позиций, актуальный для исследования явления повторной номинации вообще, особо актуален, в частности для немецкого языка, где это явление во всех особенностях реализации еще не описано. Целесообразно, видимо, исходить при его исследовании из понятия прямой номинации, в русле осуществления которой имеющая форма используется в своей первичной функции для обозначения конкретного денотата в данных условиях. В других условиях он может получать и другое наименование, через повторную или косвенную номинацию. Разграничивать прямые и косвенные номинации не всегда легко, поэтому целесообразно опираться на троичную схему: прямые – косвенные – смешанные наименования. Так, к всегда только прямым относятся имена собственные, к косвенным – местоименные, синонимичные, метафорически-метонимические обозначения, область же смешанных номинаций помещается между ними.

Конкретизированная классификационная схема номинаций выглядит у Ж.Е. Потаповой, когда она предлагает различать следующие их семантические типы: прямое наименование (Д), местоименное (Р), метонимическое (М), оценочное (Q) и затем все остальные как пятый тип (Н), ввиду того, что они в разных ситуациях могут быть то прямыми, то косвенными именованиями (Потапова, 1982, с. 15).

Целесообразно привести в заключение отдельные языковые иллюстрации.

"... waren nachts Wildschweine auf der Straße aufgetaucht. Am nächsten Tag war ein Jagdkommando erschienen, hatte aber kein Schwarzwild mehr zu Gesicht bekommen". (Juri Brèzan, Christa, S. 28)

В приведенном случае представлена прямая номинация (тип Д), хотя она строится по принципу расширения смысла обозначения, т.е. как переход от гипонима к гиперониму. Гиперо-

гипонимическая связь есть отражение подлинного процесса мышления, с его переключением от конкретно наблюдаемого к обобщению, она чаще всего характеризует повторную номинацию.

"Dein Zimmer liegt in der Mansarde," sagte er. "Ein sehr schönes Zimmerchen! Bei klarem Wetter hast du einen wunderbaren Ausblick!" (Christa, S. 149)

Здесь повторная номинация оценочно конкретизирует первичное наименование, т.е. дает такую оценку, которая заключает в себе субъективное отношение к наименованию.

Не приводя других иллюстраций, мы можем констатировать, что феномен повторной номинации, как многогранное и полифункциональное явление языка вообще и немецкого языка в частности, представляет собой объект, заслуживающий детального исследования.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) - Л.: Просвещение, 1981. - 296 с.
- Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование. - В кн.: Вопросы французской филологии. М., 1972, с. 123-136.
- Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения. В кн.: Синтаксис текста. - М.: Наука, 1979, с. 91-102.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. - М.: Высшая школа, 1981. - 207 с.
- Зернецкий П.В. Повторная коммуникативная номинация в современном английском языке. АКД. Киев, 1983. - 22 с.
- Золотова Г.А. Синтаксис Текста. - М.: Наука, 1979, с. 113-133.
- Кухаренко В.А. Виды повторов и их стилистическое использование в произведениях Ч. Диккенса. АКД. М.: 1955. - 11 с.
- Потапова Ж.Е. Структурно-стилистические особенности повторной номинации в конструкции обособленного приложения. АКД. Львов, 1982. - 23 с.

DIE ERSCHEINUNG DER WIEDERHOLTEN NENNUNG IN DER TEXTDARSTELLUNG

L'udmila Kopan

R e s ü m e e

Die wiederholte Nennung ein- und desselben Begriffs in der Darstellung gehört zu den wesentlichen Eigenschaften der Textstruktur, ihrer formellen und semantischen Seite. Im Artikel wird gerade diese Erscheinung behandelt und dabei ein Versuch unternommen, ihre Arten zu klassifizieren, sie an konkreten Beispielen zu betrachten.

IDEOLOGIEGEBUNDENHEIT UND AUSDRUCK EMOTIONALER WERTUNG
IM BEREICH DER NOMINALEN WORTBILDUNG
A.I. Ladissow, A.A. Mirsky

Das Verhältnis von Sprache und Politik, die Beschreibung der Wirkungspotenzen politischer Lexik ist ein wichtiges Forschungsgebiet der modernen Linguistik, zu dessen Beleuchtung viele Sprachforscher beigetragen haben. Als Teil dieser Problematik wird in der letzten Zeit die Frage der stilistischen Relevanz politischer Lexik behandelt, wobei versucht wird, das Merkmal der sogenannten Ideologiegebundenheit bestimmter lexikalischer Einheiten als eine Art Mitinformation (Konnotation) zum denotativen Gehalt aufzufassen.⁺

Die Ideologiegebundenheit beruht darauf, daß "die sprachlichen Zeichen bei den Empfängern je nach deren Zugehörigkeit zu bestimmten Klassen und Gruppen unterschiedliche kommunikative Effekte" hervorrufen bzw. unterschiedliche Denotate bei gleicher Struktur zu benennen vermögen (Schmidt W., 1977, S. 35-42). In bezug auf die Existenz von Staaten mit unterschiedlicher Gesellschaftsordnung, die sich derselben Sprache bedienen, signalisiert der Gebrauch ideologiegebundener Einheiten zusätzlich zum denotativen Gehalt auch die Herkunft und den bevorzugten Anwendungsbereich eines sprachlichen Zeichens in dem jeweiligen Staat, z.B. friedliche Koexistenz "Sprachgebrauch der DDR" - freiheitlich demokratische Grundordnung "Sprachgebrauch der BRD". Von Ideologiegebundenheit des Wortschatzes kann man also dann sprechen, wenn "sich erkennen läßt, daß die Prägung und Verwendung von Wörtern und Wortverbindungen in ihrer Einheit von Formativ und Bedeutung (denotativ und konnotativ) unter dem Blickwinkel von Klasseninteressen erfolgt (Fleischer W., 1978, S. 550-551). Ideologiegebundener Wortschatz vermittelt außer deno-

---

⁺ Vgl. Michel G., 1969; Zum sprachlichen Ausdruck ..., 1972; Verhältnis von Sprache und Politik als Gegenstand der marxistisch-leninistischen Sprachwirkforschung - siehe: Germanistische Studententexte, 1977; Schmidt W., 1977; Fleischer W., 1978; Schippan Th., 1978.

Zur Begriffsbestimmung der Konnotation und Ideologiegebundenheit siehe: Fleischer W., 1978; Schippan Th., 1978.

tativen Bedeutungselementen Mitinformationen, die die Antwort auf die Frage ermöglichen:

- Wer gebraucht dieses Wort und in welcher Bedeutung?
- Durch die Interessen welcher Klasse ist die Motivation einer Bezeichnung gegeben?
- Welche wertenden Konnotationen ruft dieses oder jenes Wort hervor?
- In welcher sozialen Gesellschaft ist dieses oder jenes Wort zu Hause?

Diese Mitinformationen, die zur denotativen Bedeutung hinzutreten, bilden keine Merkmale des Denotats, sondern sind kommunikativ-pragmatische Indizes (Neubert A., 1981), die die ideologische Merkmalhaftigkeit der betreffenden Wörter prägen.

Ob das Merkmal der Ideologiegebundenheit als konnotative Information und als Bestandteil der Wortbedeutung zu betrachten wäre, bleibt noch Diskussionsgegenstand. Es wird jedoch mit Recht betont, daß Ideologiegebundenheit und Konnotation nicht auf der gleichen Ebene liegen. Erstens ist die Ideologiegebundenheit "nicht auf die Sprache beschränkt" und zweitens können sowohl denotative als auch konnotative Bedeutungselemente ideologisch relevant werden (Fleischer W., 1978, S. 553).

Wir möchten hier auf ein charakteristisches Merkmal der ideologiegebundenen Lexik aufmerksam machen. Das Verhältnis zwischen Konnotation und Ideologiegebundenheit äußert sich unter anderem darin, daß die Einheiten aus dem Bereich der Politik oft eine Bewertung, eine axiologische Einschätzung der benannten Erscheinung ausdrücken. Jede Äußerung dieses Bereiches wird vom Standpunkt der Klasseninteressen formuliert und "schließt den Faktor einer wertenden, parteilich-klassenmäßigen Stellungnahme ein" (Michel G., 1969, S. 113). Sie ist also eine ideologisch gebundene Wertung. Dabei muß man zwischen zwei Arten von Wertungen unterscheiden:

1. Eine Äußerung kann eine sachlich-logische (rationale) Bewertung des Denotats darstellen, z.B. der imperialistische Krieg. Eine solche Wertung kann man als "gedankliche Einordnung des Denotats als positiv oder negativ in bezug auf bestimmte soziale Bereiche oder Beziehungen" (Schippan Th., 1980, S. 56) bestimmen. Sie erfolgt hier im Sinne "der Bejahung oder Verneinung des Vorhandenseins von Merkmalen oder Eigenschaften" (Spiewok W., 1980, S. 5) eines Objekts.

Die Einheiten, die eine solche Wertung ausdrücken, stellen vorwiegend eine primäre Nomination der Denotate dar. Die wertenden denotativen Seme beschreiben den denotativen Gehalt der betreffenden Wörter, d.h. sie stehen nicht außerhalb des Denotats, sondern bilden seinen wesentlichen Teil. Die oben angeführte Wortgruppe wird gebraucht, um das Denotat zu benennen. Ihr Bedeutungsinhalt tritt dabei in ein bestimmtes Verhältnis zu den dem Sprecher/Hörer eigenen Wertvorstellungen und wird positiv oder negativ bewertet, d.h. dem benannten Objekt werden appraisive Prädikate wie $\pm$ gut, $\pm$ schön, $\pm$ nützlich u.ä. zugesprochen.

2. Der Gebrauch bestimmter Einheiten läßt eine emotional-affektive Einschätzung, Wertung des Denotats durch den Sprecher erkennen. Dadurch wird eine Ablehnung oder Anerkennung im Bereich der emotionalen Rede ausgedrückt, z.B. propagandistische Gebetsmühlen, Schlagzeilengrill, Politschungel u.a. Die genannten Einheiten, die einen okkasionalen Charakter haben, bringen eine deutliche subjektiv-emotionale Reaktion, hier Mißbilligung, auf die betreffenden Denotate zum Ausdruck. Die Wahl eines solchen "unüblichen" Wortes zeugt von der Absicht des Sprechers/Schreibers, seine schroffe Abneigung in der Aussage mitklingen zu lassen. Neben dem Ausdruck denotativer Bedeutung geben die Einheiten Aufschluß über die emotionale Einstellung des Sprechers. Diese Information aber bildet keine Merkmale des Denotates, d.h. sie ist Konnotation.

Es fällt dabei auf, daß viele emotionale Wortbildungskonstruktionen (WBK) ihre Wertung erst durch das Zusammenreffen ihrer unmittelbaren Konstituenten (UK) erlangen, ohne daß die letzteren, einzeln genommen, wertende Bedeutungselemente enthalten. So erfolgt z.B. in der WBK BRD-Medietopf durch das Semspiel der UK Medien und Topf ein Zuwachs an semantischer Information: die WBK enthält im Unterschied zu der neutralen Formulierung, etwa "BRD-Massenmedien", zusätzliche Merkmale denotativen ("den Interessen der herrschenden Klasse der BRD dienende, die öffentliche Meinung manipulierende Presse") und konnotativen (pejorativ) Charakters.

Aus dem Bereich des ideologiegebundenen Wortschatzes wollen wir in dem vorliegenden Artikel Sprachmaterial herausgreifen, das auf die Entlarvung bürgerlicher Massendienstätigkeit zielt. Dabei begrenzen wir uns auf die WBK,

die eine emotionalaffektive (konnotative) Wertung bringen. Das Belegmaterial entstammt der Presse und Publizistik der DDR. Ausgewertet wurden "Die Weltbühne" (Jg. 75, 1980) und "Der Horizont" (Jg. 13, 1980). Die Wahl der Presseartikel als Quelle ist dadurch begründet, daß "die Presse beweglicher auf die politischen Geschehnisse sprachlich reagiert" (Horizont, 1980, S. 3), zum anderen tritt hier der polemische Charakter in der heftigen Auseinandersetzung mit der bürgerlichen Ideologie und Politik deutlich vor. Die Presse und die Publizistik, insbesondere die politischen Feuilletons, lassen außerdem viel Spielraum für den Gebrauch umgangssprachlicher Einheiten, okkasioneller Bildungen, die emotional-expressiv sind.

Mit diesem Artikel versuchen wir, die Möglichkeiten der Wortbildung zur Erzielung expressiv-wertender Wirkung in der Presse und Publizistik zu bestimmen. Damit knüpfen wir an die Arbeit von W. Fleischer "Stilistische Aspekte der Wortbildung" (Fleischer W., 1969), von G. Michel "Zum sprachlichen Ausdruck von Wertungen in politischen Texten" (Michel G., 1969) und von D. Herberg "Wortbildung und Expressivität" (Herberg D., 1979) an. Die Untersuchung eines thematisch umgrenzten Wortschatzes in bezug auf seine Expressivität und konnotative Potenzen trägt zur systematischen Beschreibung der Möglichkeiten des konnotativen Ausdrucks durch die Wortbildung bei.

Bevor wir zur Auswertung sprachlichen Materials übergehen, sollen einige Worte über das Wesen und den Charakter bürgerlicher Massenmedien und in Zusammenhang damit über die Aufgaben der sozialistischen Presse der DDR gesagt werden.

Die imperialistische Kommunikationsindustrie entwickelte sich aus der Profitwirtschaft der kapitalistischen Gesellschaft. Ihre Aufgabe ist es, "Profit zu erwirtschaften, aber noch mehr Profit zu stimulieren und vor allen Dingen die Massen so zu manipulieren, daß sie das System der Profitwirtschaft nicht durch Aktionen für seine Beseitigung gefährden, sondern seine Erhaltung und Ausbreitung unterstützen" (Horizont, 1980, S. 3). Die wesentlichen Massenmedien rühmen sich "objektiv", "wahrheitsgetreu" und "unabhängig" zu berichten. Doch diese Prädikate sind nur schlechthin Tarnwörter, die ein System der Fälschungen, Entstellungen und Manipulationen verdecken. Die Manipulations-

praxis bedient sich immer wieder neuer Methoden. Eine Hauptmethode besteht darin, je nach Bedarf Randerscheinungen einer Sache zu den Hauptzügen hochzuspielen, dabei aber wirklichen Hauptzüge geflissentlich zu unterschlagen. Eine andere Methode bildet die Verbreitung zugkräftiger kleinbürgerlicher Klischees, die ein eigenständiges tieferes Denken des Zeitungslesers paralysieren sollen.

In der ideologischen Diversion gegen die sozialistischen Länder und besonders gegen die DDR spielen die Massenmedien der BRD eine führende Rolle. Es ist deshalb eine äußerst wichtige Aufgabe der Presse der DDR, den antidemokratischen, demagogischen und verleumderischen Charakter der westlichen Presse aufzudecken, sie als gegen den Frieden und Zusammenarbeit zwischen den Völkern gerichtete Institution zu entlarven. Im Gegensatz zur bürgerlichen Presse, die so weit wie möglich kapitalistische Lebensverhältnisse zu rechtfertigen versucht und hinter kosmopolitischen Phrasen letztlich einem pragmatischen Nationalismus das Wort redet, zeichnet sich die Presse der DDR durch konsequentes Eintreten für die Lebensinteressen der Arbeiterklasse und den proletarischen Internationalismus, für die soziale und politische Befreiung der vom Imperialismus versklavten Völker, für die Verständigung zwischen den Völkern, für die friedliche Koexistenz aus.

Dieser unterschiedliche Charakter der Massenmedien der DDR und BRD bewirken eine Differenzierung im Sprachgebrauch der Presse und Publizistik. Die sozialistische Presse entwickelt ihrem Wesen nach weitgehend andere Wortverbindungen und Wortbildungsstrukturen oder verwendet auch zumeist andere Epitheta und selektiert den Fremdwortschatz anders als die bürgerliche. Das führt zu einer Tendenz der Polarisierung der Benennungen (Fleischer W., 1978, S. 552). Einige Einheiten haben diese Tendenz bereits im Sprachsystem aufzuweisen, andere zeigen sie erst in der sprachlichen Kommunikation, z.B. Bonn für die BRD-Regierung. Es sei hier auf eine zusammenfassende Übersicht des sprachlichen Mechanismus der Polarisierung bei W. Fleischer verwiesen. Die WBK des Belegmaterials sind ebenfalls durch die Herkunft, Zuordnung und Bezeichnungsmotive der Benennungen polarisiert.

Zur Charakteristik wesentlicher Massenmedien werden zahlreiche WBK verwendet, die von vornherein emotional gefärbt, expressiv sind (Fleischer W., 1969, S. 277) d.h. de-

ren Konnotation im Sprachsystem angelegt ist. Das gilt vor allem für die Deverbativa mit den Suffixen -ei(-erei,-elei) und die Konstruktion Ge- e/ø, z.B. das scharfmacherische, wilde Geschrei, Kriegsgeschrei, das antisowjetische Geze-ter, Phantasterei, Scharfmacherei, Spinnerei(en), Zukunfts-malerei; dazu gehören auch okkasionelle Bildungen wie Tory-Springerei, Schmierfinkerei u.a.

Die Diminutiva mit dem Suffix -chen werden zur Erzielung des Effekts "einer distanzierten, kritischen Ironie" (Fleischer W., 1978, S. 549) gebraucht. Dabei treten sie oft in Übertragener Bedeutung auf: "die Zeitungsmonopole kochen ihr geschäftliches Süppchen in dem BRD-Medientopf." Dieses Diminutivum drückt zusammen mit dem vorangestellten Attribut eine abwertende Einstellung zum Profitcharakter der Presse der BRD aus. "Hübsche Sümmchen" und "größere Dollarbündelchen zeugen von der Abhängigkeit dieser Presse vom Monopolkapital.

Der Gebrauch usueller bzw. okkasioneller Reim- und Ablautsdoppelungen bzw. Satzwörter dient einer Charakteristik der westlichen Propaganda, z.B. der propagandistische Sing-sang, die Ewiggestrigen, ein Schlagetot u.ä. Ähnlich verhält sich für Deverbativa auf -e (Horror-Mache, die imperialistische Meinungsmache) sowie Personenbezeichnungen mit den Suffixen -ling, -ler (die Scheiberlinge der Springer-presse, die westlichen Geheimdienstler).

Zahlreich sind in der Presse der DDR Zusammensetzungen vertreten, deren Konnotation durch die an sich konnotierte Bedeutung der I. UK im Wortbildungsakt entsteht. Als konnotierte Bestimmungswörter treten hier folgende auf: Hetz (Hetzblatt, Hetzrede, Hetz- und Subversionkampagne), Schauer (Schauermärchen, Schauerparolen), Klatsch (Klatschgeschich-te), Schnüffel (Schnüffelpressen, Schnüffelparadies), Schmier (Schmierblatt, Schmierpresse) u.a.

Die Verletzung der semantischen Kongruenz, d.h. die "Verknüpfung von unmittelbaren Konstituenten, die semantisch normalerweise nicht zusammenpassen" (Fleischer W., 1969, S. 273), ist ein häufiges Mittel zur treffenden Charakteristik der Presse im Westen. Hierfür seien folgende WBK anzugeben: die (propagandistischen) Gebetsmühlen, (imperialistischer) Schlagzeilengrill, der BRD-Medientopf, (westlicher) Politdschungel. Die Verletzung der semantischen Kongruenz durch diese okkasionellen WBK schafft einen

stilistischen Spannungsbogen (Апуртнова Н.Д., 1961, с. 109), dessen Ergebnis eine expressive, emotionale Wertung der betreffenden WBK ist. Häufig werden konnotierte WBK verwendet, die eine ungewöhnliche lexikalische Füllung darstellen, ohne daß dabei die semantische Kongruenz verletzt wird. So wird z.B. die westliche Presseindustrie als Informations-Warenhaus bezeichnet. Die WBK zielt darauf ab, daß die Information im Westen eine Art Ware geworden ist, die man kaufen und verkaufen kann. Außerdem bedeutet die Formulierung, daß die Meinungsindustrie beliebige Sorte von Ware an den Kunden liefern kann. Mit der WBK Überlebensliterat wird ein westlicher Autor verspottet, der mit ernsthafter Miene von Überlebensmöglichkeiten in einem "begrenzten" atomaren Krieg schreibt.

An dieser Stelle muß man eine Reihe origineller bildlicher Epitheta anführen. Die Expressivität und die emotionale Wertung dieser WBK beruht nicht erst recht auf der Verletzung der semantischen Kongruenz, sondern auf der ungewöhnlichen lexikalischen Füllung eines üblichen Wortbildungsmodells und auf dem Zusammenspiel beider UK. z.B. Krahwinkeljournalisten, Biertischstrategen, Märchenfabrikanten, Mehrsterne-Generale, Milchmädchenprognose, Rührstück, Intelligenz-Märchenblatt, Blüten-Blätter, Hamster-Wahnsinn, Querkopfrealisten, die "Lücken"-Verdiener, Rummelplatzstrategen, Springers Asphaltrennen, Patent-Menschenrechtler aus den USA, ein "wanzen"-, Raster- und Überwachungsstaat, "Ledernacken"-Politik, Rundfunk- und Bildschirmkonsument u.a.

Die usuellen konnotierten bzw. nicht konnotierten WBK können durch einen Bindestrich, Klammern oder Anführungsstriche eine kontextuelle Veränderung des denotativen und konnotativen Inhalts erfahren. So bedeutet z.B. die WBK Bombenstimmung gewöhnlich "eine sehr gute Stimmung". Mit Bomben - als Prafixoid wird die Bedeutung von Stimmung nicht nur intensiviert, sondern auch aufgewertet (melioriert). Die Konstruktion mit einem Bindestrich (Bomben-Stimmung) erlangt aber im Kontext dank dessen eine andere denotative und konnotative Bedeutung. Sie bedeutet die Stimmung der NATO-Generalstäbler, die bereit sind, einen Beschluß über die Produktion der Neutronbombe und ihre Stationierung in Westeuropa zu fassen. Mit der Umkehrung des denotativen Inhalts (bombi-ge Stimmung - Streben nach Neutronenwaffenbesitz) erfolgt auch die Umkehrung konnotativer Information: das Wort be-

kommt einen abwertenden Nebensinn (pejorativ). Dasselbe gilt für die WBK (Über-) Lebensgeschäft, wo aus dem Überlebensgeschäft (ein Laden, wo alles Notwendige zum Selbstschutz vor der Atombombe verkauft wird) ein Geschäft des Lebens, d.h. ein profitables Geschäft eines Survivalist-Krämers wird (neutrale Wertung - negative Wertung). Konnotation der emotionalen Wertung entsteht in dem Falle, wenn Sicherheitsberater der USA als "Sicherheits"berater bezeichnet wird.

Einen wichtigen Platz innerhalb der konnotierten WBK zur Charakteristik westlicher Massenmedien nehmen Konstruktionen ein, deren 2. UK eine Übertragene, metaphorisch-metonymische Bedeutung besitzen. Die emotionale Wertung ergibt sich hier aus dem komplizierten Semspiel der UK. So werden die westlichen Politiker, die für Frieden, Abrüstung und Zusammenarbeit plädieren und in Wirklichkeit an der Fortsetzung des Wettrüstens interessiert sind, in der Presse und Publizistik der DDR als Friedensapostel, Abrüstungsapostel, Menschenrechtsapostel, Bildschirmakrobaten genannt. Ferner auch Prinzipienjokeys, Pressezaren, Medientrommelfeuer, propagandistische Sudelküche u.a. Die Presseerzeugnisse des Westens werden oft als Blätterwald bezeichnet. Diese Metapher ist eine abwertende Charakteristik, die eine doppelsinnige Bedeutung hat: die Zeitungen werden mit den Bäumen im Wald verglichen. Das ruft die Vorstellung von der Vielzahl der Zeitungen hervor, die darum wetteifern, das Sensationellste an den Leser zu bringen. Auf der anderen Seite mutet die Metapher an, daß die verschiedenen Zeitungen sich nicht mehr wie das Blatt eines Baumes von dem einen anderen unterscheiden.

Die in der Presse der DDR häufig gebrauchten Zusammenrückungen werden besonders in den publizistischen Artikeln mit konnotativen Wertungen behaftet. Diese okkasionellen Konstruktionen drücken auf unterschiedliche Weise die wertende Einstellung des Sprechers zur benannten Erscheinung aus. Ihre denotative und konnotative Bedeutung ist allerdings nur im Gesamtkontext zu erschließen, z.B. die Unter-dem-Strich-Stories, die Dritte-weltkrieg-Story, das Mit-den-Wölfen-heulen, die "Wir-sind-doch-wer"-Gesten u.a.

Zur abwertenden Charakteristik westlicher Massenmedien werden auch archaisierende Lexeme verwendet. So bezeichnet man die Redaktionsbüros des Westens als Schreibstube des

Kapitals. Das Wort Schreibstube ist ein veraltetes Wort für Büro. Der Gebrauch eines veralteten Wortes für ein Denotat der heutigen Zeit bringt eine negative Wertung mit sich.

L I T E R A T U R

- Fleischer W. Stilistische Aspekte der Wortbildung. - In: Deutsch als Fremdsprache, 1969, H. 4.
- Fleischer W. Konnotation und Ideologiegebundenheit in ihrem Verhältnis zu Sprachsystem und Text. - In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschaftlich- und sprachwissenschaftliche Reihe, 27. Jg., 1978, H. 5.
- Herberg D. Wortbildung und Expressivität. - In: Sprachpflege, 28. Jg., 1979, H. 10.
- "Horizont", 1980, H. 51.
- Michel G. Zur Wertung sprachlicher Varianten in der Politik. - In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam. Gesellschaftlich- und sprachwissenschaftliche Reihe, 13. Jg., 1969, H. 2.
- Michel G. Zum sprachlichen Ausdruck von Wertung in politischen Texten. - In: Sprache und Ideologie. Beiträge zu einer marxistisch-leninistischen Sprachwirkforschung. Hrg. von W. Schmidt. (Linguistische Studien). Halle (Saale), 1972.
- Neubert A. Zu einigen aktuellen Problemen der lexikalischen Semantik. - In: Sitzungsberichte der sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. Berlin, 1981. Bd. 121, H. 6.
- Schippan Th. Konnotation und Ideologiegebundenheit. - In: Linguistische Studien, Reihe A, Arbeitsberichte, 51, 1978.
- Schippan Th. Arten der lexikalischen Bedeutung. - In: Linguistische Studien, Reihe A, 65. Berlin, 1980.
- Schmidt W. Verhältnis von Sprache und Politik als Gegenstand der marxistisch-leninistischen Sprachwirkforschung. - In: Germanistische Studententexte. Wort, Satz, Text. Leipzig, 1977.
- Spiewok W. Zur Typologie der Same. - In: Linguistische Studien, Reihe A, 65. Berlin, 1980.
- Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. Москва, 1961.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В НОМИНАЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА А.И. Ладисов, А.А. Мирский

Р е з ю м е

В статье исследуются возможности выражения дополнительной (коннотативной) информации с помощью словообразовательного акта в сфере политической лексики. Идеологическая направленность данного класса лексики рассматривается как один из видов коннотации наряду с оценочной коннотацией. Ограничивается инвентарь словообразовательных средств для выражения этих видов дополнительных значений.

На примере политического комментария в прессе ГДР определяются социально-прагматические функции данной лексики.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ФОРМАЛЬНЫМ *it*
В ПОЗИЦИИ ЗАВИСИМОГО ОБЪЕКТНО-СУБЪЕКТНОГО ЧЛЕНА
С. Лийв

Кроме использования безличного местоимения *it* в функции формального подлежащего (Лийв, 1979; 1980; 1984), оно довольно широко употребляется как формальное дополнение, выступающее одновременно как субъектный член по отношению к объектному предикативному члену. Эти структуры характерны не только для современного английского языка, они использовались еще в древне-, средне- и ранненовоанглийском периоде.

Попытки интерпретировать эти построения на формально-синтаксическом уровне привели исследователей к следующим результатам. Ч. Онионс (Opions, 1929, p. 143) считает, что введение формального *it* необходимо потому, что придаточное предложение или инфинитив не воспринимается как дополнение после некоторых глаголов без поддержки *it*. Согласно другой точке зрения, использование *it* связано с необходимостью сохранения обычного порядка слов (Лаптева, 1980, с. 19). Х. Поутсма (Routsmas, 1904, p. 147) подчеркивает употребление *it* в качестве дополнения как особенность разговорной речи, называя его "*sham - object*".

Разноречивые и фрагментарные суждения о построениях этого типа свидетельствуют о неразработанности вопроса и отсутствии аргументированной позиции в анализе структуры. Вместе с тем очевидно, что присутствие *it* связано с оценочным значением предшествующего глагола и поэтому роль, которую играет местоимение *it* в подобных структурах, очень напоминает роль безличного *it* в начале предложения. Поэтому необходим семантический анализ.

Действительно, хотя на первый взгляд местоимение *it* в подобного рода предложениях семантически незначимо, оно играет значительную роль в общей семантической структуре предложения: опущение *it* невозможно не только потому, что структура предложения будет нарушена, но и потому, что оно влияет на значение глагола. Очевидно употребление *it* обусловлено не только теми двумя факторами, о которых писали Ч. Онионс и О.А. Лаптева - необходимостью реализации валентности глагола и фактором порядка слов. Роль *it* несомненна в определенной интеграции компонентов в общей семантической структуре пред-

ложения.

Для выявления семантической и структурной роли *it* необходимо обратиться прежде всего к рассмотрению глаголов, используемых с безличным *it* в роли дополнения к этим глаголам, их семантике, обязательным и факультативным актантам, общей семантической структуре этих построений, а также набору морфолого-синтаксических категориальных признаков этих глаголов. Для выявления всех этих характеристик рассмотрим прежде всего семантические группы этих глаголов.

Как показало исследование, большая группа глаголов используется в структурах, где *it* выполняет роль, совершенно аналогичную роли безличного подлежащего — *it* индицирует модусную роль структуры *it* + предикат. Однако реализация этой модусной роли происходит только при наличии определенных глаголов, к которым конструкция *it* + предикат примыкает на синтаксическом уровне в качестве дополнения. Обратимся к фактическому материалу.

Формальное *it* как индикатор и актуализатор дополнительной модусной рамки.

I. К первой группе глаголов относятся переходные глаголы психической и ментальной деятельности и некоторые глаголы речевой деятельности, обозначающие мнения, предположение, сомнение, убеждение, отношение: *acknowledge, assume, believe, claim, conceive, consider, count, declare, deem, doubt, esteem, expect, express, fancy, find, guess, hold, imagine, judge, know, look, mean, prove, regard, repeat, show, suppose, take, think, understand.*

При использовании с последующим *it* + предикативный член эти глаголы теряют категориальное значение направленности действия и приобретают оценочное значение (направленное восприятие или осмысление).

Например: *The Bristol owners consider it most unwise for John Skimmerhorn to be retained as manager while you and your husband, major Stockholders reside on the premises with full ability to run the operation. (Michener, p. 851).*

Построения, в которых используются эти глаголы, имеют сложную семантическую структуру. Здесь модусная и диктумная часть оказывается инкорпорированной в структуру более высокого порядка, имеющую также модусный характер.

Рассмотрим семантическую структуру, на основе которой строится синтаксическая структура предложения.

В предложении *I consider it probable that Josephine had*

been hiding something there... (Christie, p. 146) часть *it probable that...* имеет следующую семантическую структуру: модусная (безличная) часть *it probable* и диктумная часть *that Josephine had been hiding something there*. Затем происходит дальнейшее усложнение этой семантической структуры, т.к. модус + диктум инкорпорированы в часть, выраженную на поверхностном уровне с помощью *I consider*, т.е. инкорпорированы в другую модусную рамку. Назовем внутреннюю модусную рамку с *it* - рамкой I порядка, а внешнюю модусную рамку (*I consider*) модусной рамкой II порядка.

Модусный характер рамки II порядка, имеющей свой субъект и предикат (*I consider..., he thinks... they believe..., I'm finding...*) определяется, помимо семантики глаголов умственной деятельности, наличием незначимого *it* в позиции дополнения на синтаксическом уровне. В номинативном аспекте такие структуры как *they believe such stories* и *they believe it possible* представляют собой разные типы номинации. В первом случае за предложением *they believe such stories* стоит реальный факт (референтная номинация), во втором случае - нереферентная, предикатная номинация, т.к. *they believe* без полнозначного объекта становится обозначением сигнификата (понятия). В связи с этим меняется семантическая роль члена, представленного на поверхностном уровне подлежащим: в предложениях *they believe such stories, we consider such a possibility* и др. субъект является активно действующим лицом (агенсом); в структурах типа *they believe it possible, we consider it probable* субъект является источником осмысления (перцептивом), т.к. номинация имеет нереферентный характер, обозначает факт понятийного плана.

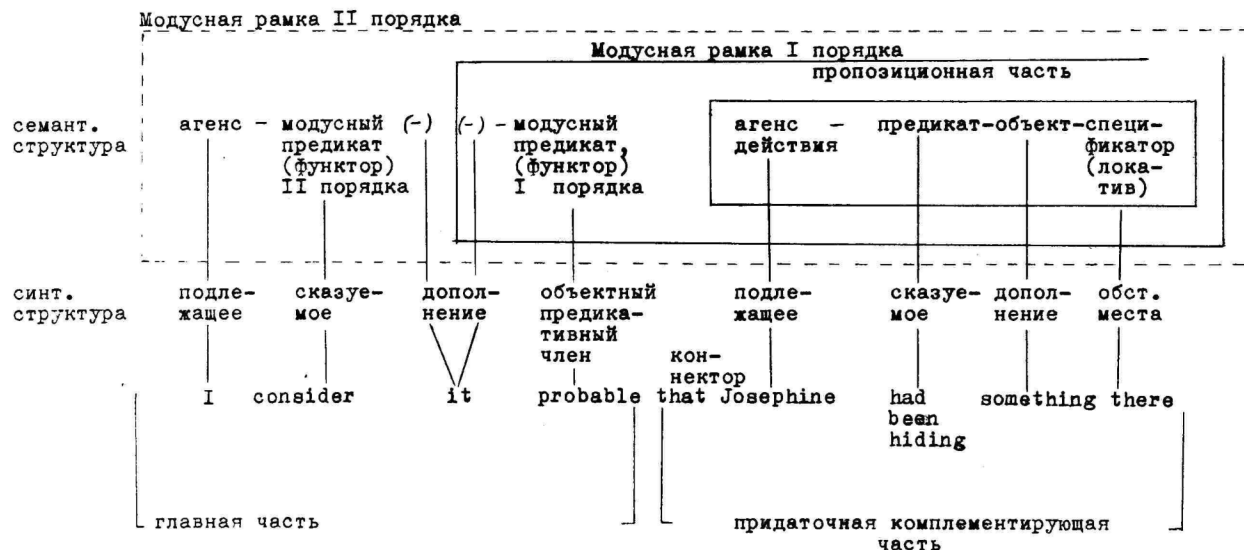
В свою очередь формальное дополнение к глаголу главной части *it* на поверхностном уровне стоит на границе двух модусных рамок и выполняет также сложную семантическую роль: с одной стороны, *it* индицирует снятие конкретно-направленной объектной валентности предиката II порядка *consider*, тем самым актуализируется его ненаправленное, модусно-оценочное значение; с другой стороны, *it* индицирует снятие субъектной валентности модусного предиката I порядка *probable*, актуализируя безличность и модусно-оценочное значение всего участка структуры *it probable*. Сопряжение двух семантических структур *I consider* *it* *probable* в одно нечленимое целое создает особую сочлененную модусность субъективно-объективного плана. На синтаксическом уровне два элемента *it* принадле-

жащие двум семантическим структурным звеньям, сливаются. Ш. Балли называл сочетание одного полного независимого знака с другим, который, хотя и не выражен, но необходим для смысла, явлением гипостаза (Балли, 1955, с. 181-185). В данном случае гипостаз двух членов распространяется на обе смежные структуры, соединяя их в одно нечленимое (и структурное, и семантическое) целое. Происходит также стяжение в структурном оформлении модусной рамки I порядка *it probable* $\Rightarrow$ *it to be probable*, которое, однако, факультативно, т.к. эти структуры взаимозаменяемы, т.е. *it probable* $\Rightarrow$ *it to be probable*. Совмещая две функции, *it* служит не только связующим звеном двух модусных рамок, но и прогнозирует сложную семантическую структуру высказывания, так как соединяемые им предикаты являются функциями, т.е. требуют пропозиционального завершения. (См. структурно-семантическую схему предложения *I consider it probable that Josephine had been hiding something...* на стр. 44).

Рассмотрим еще один пример. В предложении типа *I'm finding it difficult enough to interest people in the future as it is...* (Galsworthy, II7) в синтаксическом анализе комплементирующий член (инфинитив) *to interest people in the future* расценивался часто как обстоятельство следствия, однако, в семантическом анализе роль этого участка структуры гораздо значительней, — это основная пропозиция, вокруг которой надстраиваются две модусные рамки. Первая часть предложения *I'm finding it difficult enough* членится на семантическом уровне на две модусные рамки I и II порядка. Из них только модусная рамка I порядка непосредственно относится к основной пропозиции (последующий инфинитив) — ... *to interest people*. Соотношение включения между двумя модусными частями можно проиллюстрировать следующими трансформациями: *I'm finding it difficult enough (that) [people take no interest]*. *I'm finding it (out) (that) [It is difficult to interest people]*.

Очевидно, *it* в структурах этого типа, т.е. во всех случаях, когда за *it* следует предикатив, является показателем промежуточной бессубъектной модусной рамки. Таким образом, рассматриваемая нами структура дает возможность выдвинуть на первый план двойную модусную рамку с передачей сложного сочетания модусно-оценочных значений, путем инкорпорирования поверхностной структуры одной из них в другую, а пропозицию представить только в номинации, без импликации категориаль-

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СХЕМА

ных значений предиката.

Из сравнения двух разобранных нами примеров очевидно, что на синтаксическом уровне член, выполняющий роль основной пропозиции, целесообразнее обозначить каким-либо объединяющим термином, т.к. несмотря на разное оформление, взаимодействие этого члена с модусным предикатом сходное, — это соотношение предмета оценки и оценочного компонента структуры. Мы будем пользоваться термином *комплемент*. Синтаксическая роль *it* для глаголов этой группы заключается в том, что *it* указывает на последующий комплемент — придаточное предложение, инфинитив или герундиальный оборот.

Общее для глаголов, используемых в рамке II порядка, модусно-оценочное значение налагает ограничения на их функционирование в пределах категориальных парадигм: они используются преимущественно во временах группы *Indefinite* (в настоящем, прошедшем и будущем времени): *As for the rest of us, I think we'll take it slow and easy to the Little Burma and go out in the woods...* (Uris, 184). Формы перфекта и длительных временях являются также возможными. В основном глаголы модусной рамки II порядка используются в форме простого глагольного и составного глагольного сказуемого.

В литературе отмечается (Deutschbein, Willenberg, 1916, S. 88), что в некоторых случаях безличное местоимение *it* может быть опущено. Это происходит в тех случаях, когда две модусные рамки сливаются в нечленимое целое, давая фразеологическое сочетание: *to find in one's heart, to take for granted, to think proper, to think fit, etc.*

Например: *We must wait until they think fit to help us.* (Хорнби, 38). В тех случаях, когда модусный предикат I порядка выражен прилагательным, совпадая по форме с наречием, опущение *it* недопустимо, т.к. может произойти переосмысление связи, вместо двух модусных рамок образуется расширение модусной рамки II порядка за счет спецификатора к модусному глаголу. Сравним следующие два примера: *I think it right. (My estimation of it is that it is right)* и *I think right. (in a proper way).*

ii. В тех случаях, когда предикат модусной рамки II порядка выражен одним из глаголов, выражающих желание, таким как *want, wish*, образуются конструкции с иной семантической структурой. Рассмотрим несколько примеров:

I wish it to be seen that Sir Wycherly Wychemcombe is desirous of making his will. (Ellinger, 281)

He wanted it established that Mr Duffy was not going to be interviewed in front of the TV cameras which were present at the conference. (MS, 27.02.80)

Семантическая структура приведенных предложений складывается из следующих компонентов: предикат модусной рамки I порядка, обычно глагольный (причастие II или инфинитив в пассиве) поэтому модусная рамка I порядка выражает характеристику как результат желательного действия (want it to be established, wish it to be seen). Модусная рамка II порядка содержит обычно субъект, однако отсутствие объекта-денотата лишает предикат в модусной рамке II порядка значения направленного действия и снимает референтность номинации всей модусной части: I wish it to be seen...; He wanted it established...

III. Семантическая структура построений с глаголами сенсорной деятельности (*feel, hear, see*) аналогична рассмотренным в I и II: глаголы сенсорной деятельности теряют свое направленное значение, т.к. лексическое наполнение последующей рамки *it* + предикат по своей семантике не совместимы с семантикой глагола сенсорной деятельности; результате утраты конкретной направленности сенсорное значение также снимается и предикат рамки II порядка приобретает нереферентность. Предикат, используемый в рамке I порядка – существительное или прилагательное, имплицитно оценивает обычно уже в своем значении: *duty, mission, high time, responsibility* или *arrogant, (un)necessary, (im)possible, (un)safe, (un)wise, etc.*

Например: *But I felt it high time for me to leave the two ladies to themselves, so I took my leave. (Maughan, 522)*

IV. Отдельную группу составляют немногочисленные каузативные глаголы: *keep, leave, let, make, render*. Эти глаголы обычно только способствуют актуализации модусной рамки I порядка и сами не дают модусной рамки, т.к. субъект этих глаголов обозначает реальный денотат (активное лицо или фактор, влияющие на последующую оценку). В тех случаях, когда значение каузативности очень ярко выражено и приобретает модальное значение заставлятельности, принуждения (особенно характерно это для глагола *make*), происходит слияние каузативного глагола с модусной рамкой I порядка, например: *Too oldfashioned for words, he had made it clear already that he wanted to marry her. (Galsworthy, 79)*

Таким образом, во всех рассмотренных случаях *it* используется в качестве незначимого объекта и субъекта одновременно. Семантическая структура этих построений содержит две

части - модусную и диктумную. Модусная и диктумная части могут быть инкорпорированы в модусную рамку более высокого порядка. На семантическом уровне формальное дополнение *it* выполняет двойную функцию - актуализирует ненаправленность модусного предиката II порядка и безагенсность модусного предиката I порядка, а также прогнозирует инкорпорирование модусной части I порядка и диктумной части. Усложнение синтаксической конструкции отражает сложность семантической структуры и дает возможность для создания структуры с двумя модусными рамками, что позволяет усложнить модально-оценочную нагрузку высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М.: Изд. иностр. лит., 1955. - 416 с.
- Лаптева О.А. Предложения с элементом *it*, предвещающим дополнением, в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Минск, 1980. - 24 с.
- Лийв С. Морфологическая природа и синтаксический статус вводящего *it* в современном английском языке. - Лингвистические и методические вопросы преподавания иностранных языков в вузе и школе. Учен. записки Тартуского университета, вып. 505. - Тарту, 1979, с. 110-117.
- Лийв С. Пути изучения безличного предложения с элементом *it* в семантическом синтаксисе. - Вопросы общего и сопоставительного языкознания. Учен. записки Тартуского университета, вып. 684. - Тарту, 1984, с. 59-64.
- Лийв С. Синтаксические связи глаголов *seem, appear, look* в конструкциях с формальным подлежащим *it*. - Исследования по лексике и грамматике германских языков. Учен. записки Тартуского университета, вып. 532. - Тарту, 1980, с. 78-83.
- Deutschbein K., Willenberg G. Leitfaden für den englischen Unterricht. Teil II: Syntax. - G8then, 1916. - 134 S.
- Onions C.T. An Advanced English Syntax. - 5th ed. - London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1929. - 166 p.
- Poutsma H. A Grammar of Late Modern English. Part 1. The Sentence. Section 1. The Elements of the Sentence. - Groningen: Noordhoff, 1904. - 812 p.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Christie - A. Christie. Dumb Witness. - London: Pan Books, 1978. - 218 p.
- Ellinger - J. Ellinger. Das Pronomen *it* als formales Objekt. Anglia Beiblatt, 1928, 9, 271-290.
- Galsworthy - J. Galsworthy. A Modern Comedy. Book II. The Silver Spoon. - Moscow: Progress Publishers, 1976. - 258 p.
- Maugham - W. Somerset Maugham. The Painted Veil. - Moscow, 1981. - 238 p.
- Michener - J.A. Michener. Centennial. - Greenwich: A Fawcett Crest Book, 1975. - 1086 p.

Uris - L. Uris. Battle Cry. - Toronto, New York: A Signet
Classic, 1959. - 288 p.
MS - "Morning Star" 27.02.1980.

THE STRUCTURE OF THE SENTENCES WITH THE FORMAL "it" IN THE
DOUBLE SEMANTIC FUNCTION (THE OBJECT AND THE SUBJECT)

Suliko Liiv

S u m m a r y

The article deals with the formal "it" fulfilling subjective and objective semantic function. The author gives the semantic classification of various verbs with the formal "it" in the double semantic function (the object and the subject) and shows the influence of the formal "it" to the semantic structure of the sentence.

ZUM MITTELNIEDERDEUTSCH - HOCHDEUTSCHEN AUSTAUSCHPROZESS
IM BALTIKUM
Paul Lääne

In der sprachgeschichtlichen Literatur werden immer mehr kommunikative Bedürfnisse neben bzw. zusammen mit sozial-ökonomischen Faktoren als Triebkraft für Sprachwandelungsprozesse und für die Entwicklung der verschiedenen Existenzformen der Sprache hervorgehoben. In den einzelnen Entwicklungsstadien der Geschichte haben sie aber eine unterschiedliche Rolle gespielt, bedingt durch den Grad der gesellschaftlichen Arbeitsteilung, durch die soziale Stratifikation der Gesellschaft, aber auch durch konkrete Erscheinungen des Überbaus. Die Stabilität einer Gemeinschaft drückt sich unter anderem durch die Herausbildung eines gemeinsamen Inventars dieser Trägerschaft, d.h. einer bestimmten Sprachvarietät aus.

Im 16. Jahrhundert ging das Mnd. im mühsamen Prozeß der Entstehung einer im deutschen Sprachraum allgemein gültigen Schrift- und Verkehrssprache in seiner norddeutschen Stammesheimat unter. Diesem vom Standpunkt der deutschen Sprache aus wichtigsten sprachlichen Vorgang war eine Durchlöcherung der nd.-hd. Sprachscheide und eine stufenweise erfolgte, jedoch tendentiell deutliche Einschränkung der kommunikativen Aufgaben des Nd. besonders im städtischen Verkehr vorgegangen. Nach der Verdrängung aus allen Zweigen des offiziellen - schriftlichen - Verkehrs, der Schule, der Kirche wurde dem Mnd. die Rolle einer Umgangssprache zugewiesen. Die Herausgabe der im Nd. verfaßten Bücher setzte sich fort, trotzdem artete es in eine spezifische Mischsprache, sog. Mischsingsch aus und mußte im 17. Jh. ihre Positionen auch als Umgangssprache aufgeben und wurde in Städten fast völlig ausgetilgt, so daß der weniger stabileren Zweisprachigkeitsperiode eine relativ stabile Einsprachigkeit folgte. Für die Aufgabe des Mnd. fallen verschiedene Gründe in ihrer Wechselwirkung ins Gewicht, denn Einzelgründe vermögen diesen komplizierten sprachlichen Austauschprozeß nicht befriedigend zu erklären. Trotz der ähnlichen Entwicklung bestehen hier zwischen Norddeutschland und Altlivland gravierende Unterschiede.

Die Stellung des Mnd. auf beiden Territorien war von An-

fang an unterschiedlich. Die Norddeutsche Hanse und ihre mittelalterliche Städtekultur waren im Entstehen begriffen, als Altlivland erobert wurde. Lübeck (Stadtrecht 1188) mußte seine Macht erst ausbauen, um die bedeutendste und einflußreichste Stadt der Hanse werden zu können, die die Integration der niedersächsischen Mundarten über seine Kanzlei steuerte. Durch die Gründung der livländischen Städte setzte aber gleich eine parallele sprachliche Eigenentwicklung ein, da ein allgemein anerkanntes Kommunikationsmittel noch fehlte. Die komplizierte politische und sprachliche Lage Baltikums würde durch eine national und sprachlich heterogene Stadtbevölkerung, die spärliche Kenntnis und Anwendung der Schrift als eines ausgleichenden und normierenden Mittels sowie unterschiedliche Herkunft der als Sprachan- und -ausgleich dienenden Stadtrechte (Riga erhielt es aus Gotland, Reval aus Lübeck (TA 1976, S. 76) gekennzeichnet, so daß die alltägliche Kommunikation eine brauchbare Umgangssprache schaffen sollte. Aber auch schriftliche Quellen der altlivländischen Städte gingen noch vor Lübeck (Stadtbuch bis 1455 latein) zum Mnd. über, nämlich in der 2. Hälfte des 14. Jh. (Greiffenhagen, 1927). Da Mnd. während der ersten Jahrhunderte meist nur als gesprochene Sprache im städtischen Handel und Verkehr verwendet wurde, war es auch zugänglicher für fremde Beeinflussung. Bekanntlich kannte das Mittelalter die Nationen und die nationale Frage im heutigen Sinne nicht. Handwerker wanderten von Land zu Land, Kaufleute gingen gern verwandtschaftliche Beziehungen mit Kaufleuten anderer Nationalität ein, um sich neue Märkte eröffnen zu können. Latein als internationale Wissenschafts-, Bildungs- und Kirchensprache wirkte gegen eine nationalsprachliche Integration. Außerdem forderte die stabile Funktionierung der mittelalterlichen Städte eine nie versiegende Zufuhr neuer Ansiedler schon wegen der allgemein kurzen Lebenserwartung, aber auch wegen häufiger Epidemien, Hungernöte und Kriegshandlungen, was ständig neue Einwanderer aus allen Teilen Deutschlands, Skandinaviens und aus der nächsten Umgebung bedeutete. Durch alltägliche Kontaktsituationen bestand eine recht verbreitete Zwei- oder Mehrsprachigkeit, d.i. eine mehr oder weniger große Fähigkeit über zwei (oder mehr) Kodes zu verfügen, ihn situationsangemessen zu wechseln: andere Phonologie, Lexik, Grammatik (Weiss, 1959, S. 161). Die Zweisprachigkeit ohne Interferenz ist aber nicht denkbar. Häufige kontextuelle Ko-

de-Umschaltungen brachten kurzlebige Transfers, ebenso wie Lehnelemente für alle sprachlichen Ebenen mit, deren Schicksal von der Kommunikationspraxis abhing. Die Wahl der sprachlichen Mittel in den Sprachdenkmälern ist als mittelbarer Indikator der mannigfaltigen Beziehungen zwischen den mittelalterlichen Kommunikanten und der von ihnen verfolgten Ziele anzusehen. So liegen die Ursachen für die phonetischen Eigentümlichkeiten, sowie lexikalischen und syntaktischen Besonderheiten des späteren Baltendeutsch schon in den damaligen Sprachwandlungs- und Sprachwechselprozessen eingebettet.

Mnd. als weitgehend normierte Hochsprache bildete sich zum Zeitpunkt der Blüte des hansischen Bundes aus, wurde allerdings nie kodifiziert, so daß zwischen den Kanzleien auch weiterhin deutliche Unterschiede in der Orthographie, aber auch Lexik bestehen blieben (Gernentz, 1980, S. 45), daher man den Bürgern verschiedener Städte ein verschiedenes Normbewußtsein zusprechen muß. Das Überlandschaftliche Mnd. der wendischen Städte hatte anfangs wie das Altivlands sprachinselhafte Charakter, jedoch erfolgte eine deutsche bäurische Ansiedlung in Vorpommern und Mecklenburg schon bald nach der Gründung der Städte und der früh einsetzende Assimilationsprozeß der Wenden trug zur norddeutschen Integration bei. Im Baltikum wurde das Mnd. eine fast rein städtische Sprache, denn ein deutsches Bauerntum existierte hier nie (das spätere Hirschenhof ändert nichts daran).

Wenn H. Moser in der sprachlichen Pyramide des spätmittelalterlichen Deutsch (1250-1500) folgende Schichten des Mnd. (seit dem 14. Jh.) hervorhebt:

- 1) Volksmundart,
- 2) Umgangssprache der Oberschichten,
- 3) landschaftliche Schreibe der bildungstragenden Schicht,

4) überlandschaftliche Schreibsprache (nach DS I, 1969), meint R. Freudenberg, daß die Sprache im Mittelalter soziologisch relativ einschichtige Struktur hatte (1968). Da die mnd. Umgangssprache als sozialer Gegensatz zum höfischen Mhd. entstand, könnte man denken, daß sie der Volkssprache nah war. Dafür sprechen G. Ising (1957, S. 442-3): "fast überall dringt die in der mnd. Literatur zu erkennende volkssprachliche Ausdrucksweise in die Bibelübersetzungen ein. Viele Stellen

in den Übersetzungen sind von heutigem Sprachgefühl her der Volkssprache näher als Luthers Ausdrucksweise" - die Rede ist von nd. Bibelübersetzungen des 15. Jh. - und P. Katara: "die ritterliche Literatur und somit die höfischen Ausdrücke sind im Mnd. wenig vertreten" (1966, XI). Dabei betonen die meisten Forscher des Mnd. die Einheitlichkeit dieser Sprache. Nach W. Mitzka (1968, S. 284) sprachen im baltendeutschen Raume gleichermaßen Landadel und Stadtbürger das oberschichtige Mnd. bis in das 16. Jh. hinein. Der Ausdruck sagt nicht deutlich aus, ob man hier auf die soziale Stellung der Deutschen gegenüber Esten bzw. Letten, die sozio-linguistische Sprachschichtung der nd. Heimat oder die Sprachreinheit anspielt. Die wesentlichste mittelalterliche Opposition zwischen Adel und Stadt bestand auch im Baltikum, doch im Unterschied zum Mhd. sprechenden Adel Norddeutschlands wurde hier die mnd. Umgangssprache ebenso die Sprache der baltischen Adligen (unter dem Lehnadel der Schwertbrüder waren viele nd. Ratsherrnsöhne).

Sprachwandel-Sprachwechsel. Das Ziel des nd.-hd. Austauschprozesses in Deutschland - die Ausbildung einer literatursprachlichen Norm - ist für das Baltikum nicht relevant, denn die politischen Bindungen des Ordensstaates zu Deutschland waren recht lose und die wirtschaftlichen Bindungen zu niederdeutschen Hafenstädten waren eng wie früher. Auch deshalb sind die Veränderungen im Mnd. Livlands mit sprachlichen Entwicklungsprozessen in Deutschland nicht gleichzusetzen.

In erster Linie wird dieser Sprachaustauschprozeß mit dem Niedergang der Hanse verbunden. Der Einfluß der Hanse verminderte sich durch die Umlagerung des Welthandelschwerpunktes von der Ostsee in die Nordsee und den Atlantik und die Verstärkung des niederländischen und englischen Handels. Lübeck behielt die Übermacht in der Hanse und die Handelsbeziehungen zwischen Lübeck und livländischen Städten, sowie Einwanderung nach Livland von Lübeck aus waren lebhafter als je zuvor, jedoch verzeichnen die Revaler Bürgerbücher kaum direkte Kontakte zum Lübecker Magistrat wie früher (Adelheim, 1933, S. 20), was als eine Folge des Untergangs des Ordensstaates und Verlusts der Selbständigkeit beurteilt werden kann.

Kaum zu überschätzen ist die Rolle der frühbürgerlichen Revolution in Deutschland, die mit dem Beginn der Re-

formation auf dem ostmitteldeutschen Gebiete ansetzte und die damalige Gesellschaft in ihren Grundfesten erschütterte. Die widerstreitenden Kräfte warben um möglichst breite Unterstützung und schöpften eine dienliche Auswahl sprachlicher Mittel aus allen sprachgeographischen und sprachsoziologischen Quellen, die sowohl bei der mündlichen Agitation als auch in zahlreichen Schriften Verwendung fand. Luthers Sprachschaffen spielte dabei die größte Rolle, denn "er orientierte sich auf die Sprachgebung und das Fassungsvermögen des "gemeinen Mannes", die breiteste mögliche Basis für eine überlandtschaftliche nationale Schrift- und Umgangssprache" (Arndt, 1981, S. 107). Im Baltikum siegte die Reformation kampflos, alles andere blieb hier fern.

Für den Sprachwandel im Baltikum fallen besonders die demographischen Prozesse ins Gewicht, die negativ auf organische Sprachentwicklungsprozesse wirkten. Noch im 19. Jh. ist der natürliche Zuwachs in estnischen Städten nicht imstande auch die Erhaltung des Bevölkerungsstandes zu gewährleisten (Pullat, 1972, S. 41-50). Große Menschenverluste in Livländischen Kriegen 1558-1625, während der Epidemien und Hungerszeiten: 1549, 1561, 1566, 1570, 1577, 1580, 1591, 1602-03, 1623 (TA, 1976, S. 130, 216, 265-6) bedingten noch schnellere Generationswechsel und größere Einwanderung, was nicht ohne Einfluß auf die Dynamik der Sprachkontakte, den Charakter der sprachlichen Ausgleichsprozesse blieb. Diese Vorgänge vermögen wohl die relativ kleine Anzahl estnischer Entlehnungen im baltischen Hochdeutsch zu erklären. Von 60 schriftlich belegten estnischen Entlehnungen im livländischen Mnd. (Otsmaa, 1963, S. 54) sind nur wenige frequentierteste Estizismen ins Hd. vermittelt worden: Riege, Kmlmit, Kubjas, Sade u.a., was aber über die soziale Stellung dieser Wörter und ihren Kommunikationswert eine deutliche Aussage macht.

Einen entscheidenden Einfluß auf den Ausgang des Sprachkontakts Mnd. < Fnhd. übte der Übergang der deutschen Schulen und Universitäten zum Hd. aus (zuletzt Rostock 1550 - Gernentz, 1980, S. 65), da sie auch livländische Behörden von da an mit hd. Beamten versorgten.

Die Übernahme des Hd. in Norddeutschland bedeutete zugleich die Errichtung einer sozialen Sprachbarriere für die weiter Nd. sprechende Bauernschaft und städtische Unterschicht. Neben die soziale Unterdrückung trat auch eine

sprachliche (Gernantz, 1980, S. 320). Die Nichtkenntnis des Nd. zusammen mit der Erkenntnis der nationalen Frage im Baltikum wurden für Undeutsche eine solche soziale Schranke, daß wenn im 15. Jh. eine Vielzahl Esten Bürger Revals werden konnten, das Bürgerbuch des 16. Jh. nur seltene Eintragungen von estnischen Namen im Bürgerbuch aufweist (Greiffenhagen, 1932).

Von der Widersprüchlichkeit und Kompliziertheit der gesellschaftlichen Prozesse jener Zeit zeugt die sprachliche Opposition Adel - Stadtbürger. Lübecker Handelsbürgertum hielt länger fest an der nd. Schriftsprache (Stadtbuch des Magistrats ist nd. bis Anfang des 19. Jh.) als der Adel, der umgekehrt den Spracheinigungsprozess förderte. Im Baltikum hinkte der Landadel der Bürgerschaft hinterher, die relative Isoliertheit der adligen Großgrundbesitzer von anderen deutschen Familien förderte die Erhaltung des Nd.

Die Erfolge der reformatorischen Buchkunst berühren Livland wenig. Wenn in Deutschland in fünf Jahren (1518-23) so viele Schriften erschienen wie bis dahin in 50 Jahren, beginnt die Geschichte der Druckkunst in Livland erst im 17. Jh. Auch die Einfuhr der Drucke war beschränkt, so ist nur eine einzige Agitationsschrift für Bauern bekannt. Die Bilderstürmerbewegung erhielt Impulse für ihre Aktionen von Wanderpredigern, weil es an Schriftkundigen und Schriften mangelte.

Wir nehmen zusammen mit R. Freudenberg an, daß im Mittelalter gerade die soziologisch mehr oder weniger einschichtige Sprachstruktur die Lautwandlungen Systemcharakter erlangen ließ (1968, S. 170 ff.). Wie entsprechende Untersuchungen bezeugen, wurde der in Deutschland recht organische Sprachwandel teilweise vom Mnd. vorbereitet. Es hat sich herausgestellt, daß der für das Nhd. obligatorische prädikative Satzrahmen aus dem Nd. stammen mag (Zur Ausbildung ..., 1976; Kopplow, 1981). Als Grundlage für Kopplows Arbeit diente die 1961 in Kopenhagen gedruckte Pskower Handschrift eines Tönnies Fenne aus dem Jahre 1607 "Russisch-niederdeutsches Gesprächsbuch". Sein Russisch hat T. Fenne damals erst gelernt, also stammt er aus einem anderen Gebiet, aus Livland (?). Der Vergleich der Ausbildung des Satzrahmens in Satzmustern von Fenne mit Angaben zur mnd. Sprachlandschaft bei Schildt für 1470-1530 zeigt einen deutlich höheren Entwicklungsstand bei Fenne. Als vermutliche Ursachen dafür

führt Kopplow 1) die Nähe des Gesprächsbuches zur gesprochenen Sprache im Unterschied zu Durchschnittswerten aus verschiedenen Gattungen bei Schildt und 2) eine mögliche Weiterentwicklung des Mnd. nach dem Sieg des Fnhd. Die Lokalisierung dieses Prozesses in Livland würde zur Erläuterung so mancher sprachlicher Erscheinungen im baltischen Hd. beitragen. Außerdem weist der nhd. Wortschatz eine Vielzahl von lexikalischen Einheiten nd. Herkunft aller Stilebenen auf, die trotz des Kampfes gegen das Nd. und die Volkssprache als Quelle für die Literatursprache (Adelung u.a.) überlebten und aus der Sprache des 19. bzw. auch des 20. Jh. nicht wegzudenken sind. Nd. hat ebenso den Gebrauch des Artikels im Hd. und die hd. Aussprache geformt.

Die Wechselwirkung aller genannten lingualen und extralingualen Faktoren in demographischen Bedingungen Altlivlands bestimmte das Schicksal der mnd. Sprachinsel beim Sprachkontakt Mnd.><Fnhd. im voraus. Die Einwanderung der hd. (!) Schriftkundigen bezwang den Übergang der Kanzleien zu Hd., das Sozialprestige der geschriebenen Form trieb den Sprachwechsel voran. Dabei mußten die Neubürger nicht einmal Mnd. erlernen, denn in Kontaktsituationen verstand man die verwandte Sprache auch ohne eine obligatorische Umschaltung. So eine sprachlich labile Situation unter der schwedischen bzw. polnischen Fremdherrschaft mit einer koarealen einheimischen Sprache (Estnisch bzw. Lettisch) dabei mußte eine Sprachmischung zur Folge haben. Ein spätes Beispiel dafür ist "Stratagema oeconomicum oder Akker=Student" von S. Gubertus (4. Auflage, Riga, 1688; vgl. K. Uustalu, 1982), wo zahlreiche nd. Substantive, mehrere Verben und einige Adjektive allein oder in stehenden Wortverbindungen in einer lautlich rein nd. Form vorkommen bzw. in ihrem Lautbild hd. Ersetzungen oder Weiterentwicklungen aufweisen, was von einer allgemeinen Tendenz zur Erhaltung der Distinktion zeugt. Hyperkorrekte Formen hier und in späteren Quellen signalisieren vom Streben nach der Vermeidung alles nd. Klingenden und der korrekten Lautung des den sozialen Mehrwert besitzenden Hd.

Die kontaktuelle Interferenz bildet eine pragmatische Komponente des Sprachaustauschprozesses, wo neben dem kommunikativen Aspekt, also neben der Zielsetzung nach dem allgemeinen Verständnis, auch onomasiologische und sprachökonomische Aspekte eine wesentliche Rolle spielen bzw. spielen können. Der kontaktbedingte Sachwandel erwartet eine entspre-

chende sprachliche Reaktion und besonders bilinguale Sprachträger greifen nach Kompromißstrukturen, um ein Minimum an Energie anzuwenden. "Die Art und Zahl der Entlehnungen sind mehr durch sozio-kulturelle als rein linguistische Tatsachen determiniert" (G. Tesch, 1978, S. 199).

L I T E R A T U R

- Adelheim G. Das Revaler Bürgerbuch 1624-1690. Reval, 1933.
- Arndt E. Sprachgeographische und sprachsoziologische Voraussetzungen für Luthers Übersetzungsleistung. - Linguistische Studien 77, Berlin, 1981, S. 81-95.
- Freudenberg R. Alemannisch. - In: Wortgeographie und Gesellschaft. Berlin, 1968, S. 170-184.
- Gernentz H.-J. Niederdeutsch - gestern und heute. Berlin, 1980.
- Gernentz H.-J. Zum hd.-nd. Austauschprozeß bei der Ausbildung der deutschen Literatursprache. - Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1980, 3.
- Greiffenhagen O. Tallinna vanimad linna arveraamatud 1363-1374. Tallinn, 1927.
- Greiffenhagen O. Das Revaler Bürgerbuch 1409-1604. Reval, 1932.
- Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. Bd. I. Leipzig, 1969.
- Ising G. Die niederdeutschen Bibelrühdrucke. - Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1957, S. 79.
- Katara P. Das französische Lehnwort in mnd. Denkmälern von 1300 bis 1600. - Memoires de la Societé Neophilologique de Helsingfors XXX. Helsinki, 1966.
- Kopplow C. Zu Problemen der Syntax des späten Mittelniederdeutsch am Beispiel des russisch-niederdeutschen Gesprächsbuches des Tönnies Fenne. Pskow, 1607. - Linguistische Studien 75/1. Berlin, 1981, S. 49-57.
- Mitzka, W. Niederdeutsch. - In: Wortgeographie und Gesellschaft. Berlin, 1968.
- Otsmaa I. Eesti laenudest balti alamsaksa keeles. - TRU Toimetised, vihik 131. Tartu, 1963.
- Pullat R. Eesti linnad ja linlased. Tallinn, 1972.
- Tallinna ajalugu. Tallinn, 1976. (=TA)
- Tesch G. Linguale Interferenz. - Tübinger Beiträge zur Linguistik 105. Tübingen, 1978.
- Uustalu K. Niederdeutsche Elemente in Baltisch-Deutsch des XVII. Jh. - Linguistica. Tartu, 1982.
- Weiss A.v. Hauptprobleme der Zweisprachigkeit. Heidelberg, 1959.
- Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache auf der syntaktischen Ebene (1470-1730). Der Einzelsatz. Berlin, 1976.

О СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОМ-ВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ПРОЦЕССЕ
ЯЗЫКОВОЙ СМЕНИ В ПРИБАЛТИКЕ

Пауль Ляэне

Р е з ю м е

В статье представлены лингвистические и экстралингвистические факторы и особенности процесса смены нижненемецкого языка верхненемецким в XVI-XVII веках в Прибалтике на фоне параллельного процесса на германской территории. Среди них имеют большое значение одновременное самостоятельное развитие чисто городского нижненемецкого языка Прибалтики в условиях би- и мультилингвизма, как и исторические потрясения и резкие демографические изменения.

THE RISE AND SIGNIFICANCE OF "NEW ENGLISHES"

Oleg Mutt

When the term "new Englishes" came into use about thirty years ago it caused some raising of eyebrows and even downright opposition in certain quarters because of the incongruity of its components. Today the term is well established and one comes across it in the titles of articles and books. It has practically replaced the synonymous "mutation Englishes" as the term denoting those varieties of English that are used in India, Nigeria, Ghana and other newly independent countries of Asia, Africa and the Caribbean region where English is taught not as a mother tongue but as a second language.

After World War II, as a result of the local national liberation movements, most of the British colonies achieved independence. The English language, however, continued to be used as one of several or the only official language in practically all the countries formerly under British rule. This curious, somewhat paradoxical situation where English, the language of the former colonial power, is still used for administrative and educational purposes is largely due to the feelings of rivalry and distrust among different ethnic groups long encouraged by the British with their policy of divide and rule. As a result, it was not always possible upon the attainment of independence to set up any single one of the native languages as the official language of the country because this would have offended or alarmed the speakers of the other languages used in that country.

A case in point is India, which gained its independence from Britain in 1947, and where over 200 languages are spoken. Under the constitution of 1950, Hindi and English became the two official languages, the latter being given equal status with Hindi for fifteen years. However, when an attempt was made in 1965 to abolish the use of English as an official language, violent anti-Hindi demonstrations broke out in many parts of the country. Non-Hindi students and government employees were afraid that it would become more difficult for them to obtain jobs as they suspected native speakers of Hindi would be preferred to them. As a result of

widespread unrest and violence, the government decided to retain English as an associate official language for "as long as non-Hindi citizens wish it to remain so". (Mutt, O., 1975, pp. 9-11). It is thus that the conditions arose where English, the language of the former colonial masters of the country, continues in widespread use in India today as the only language which tends to encourage unity and discourage separatist movements. It should be borne in mind, however, that although it is extensively used for administrative and educational purposes (signs in streets, post offices, etc. are duplicated in Hindi and English, more than half of all the books published in India are in English), only a tiny minority (1-2%) of the population actually speak English.

The situation in many other ethnically diverse countries of the Commonwealth (e.g. Malaysia, Nigeria, Ghana, Uganda, etc.) is similar to that in India: English continues to be used in administration and education, and also as the main medium of communication by educated speakers from different parts of the country among themselves and with the outside world. The late Jawaharlal Nehru spoke for India and the other Commonwealth countries when he said in 1962 that "English is our major window into the outside world and we dare not shut that window."⁺

An interesting development in all the newly-independent Commonwealth countries is that the English language there has been and continues to be modified by local linguistic habits of pronunciation, lexical usage and, to a lesser extent, of grammatical (syntactic) usage. These differences are not always conspicuous in the written language and, on the whole, in the English taught at schools and universities; the spoken language, however, differs markedly from the varieties of English used in countries where it is the mother tongue. Thus, English in West Africa has fewer vowel phonemes than British RP (= Received Pronunciation). Ghanaians and Nigerians generally use 7-8 monophthongs (cf.

⁺ An analogical situation exists in the francophone countries of Africa where the diversity of local languages (e.g. 72 in the Ivory Coast, 70 in Cameroon, etc.) has resulted in French being retained as the official language (Lundquist, E., 1970, p. 269).

the 12 in British RP). Central vowels and centralizing diphthongs are virtually non-existent in West African English. Words which end in [ə] in RP have [a] in the final syllable: smoother ['smuəa], beer [bia]. Words like chair, hair and wear are pronounced as [tʃe], [he] and [we] or as [tʃia], [hia] and [wia]. With its smaller inventory of vowels, West African English naturally has more homophones especially in the speech of the less highly educated members of the community who make no phonological distinctions among out, cot, court [kɔt], between bed and bird [bɪd], and between duck and dock [dɔk] (Todd, L., 1982, pp. 287-288).

In Nigerian English the word fellow means any person (including a female) and it is not unusual to hear sentences like John is going to get married to that fellow. The word globe in Nigerian English also denotes an electric bulb; in colloquial Nigerian the compound me-and-my-darling denotes a sofa or divan; wonderful is a common cry of amazement at a surprising event, for example, if somebody announces to an acquaintance: "My brother died yesterday evening", the to us rather unexpected response in Nigeria could be "Wonderful!". In both West and East Africa one gets down from a vehicle rather than out of it; one not only hears a noise but one can hear (i.e. understand) a language. A source of confusion for the non-African speaker of English is the use of yes in response to negative questions, where standard British English would expect no: Isn't he here? - Yes (he isn't here).

It should be noted that such deviations from English as used in the traditional English-speaking countries (Great Britain, the USA, Canada, Australia, etc.) have sometimes been deliberately encouraged by local authorities and generally supported by public opinion. A kind of national pride is taken in the differences from standard English as they are held to reflect new political and cultural independence and self-respect. Indeed, it is widely believed, e.g. in India and many African countries, that their language usages should not model themselves too rigidly on British English or American English as the latter are unrealistic and even undesirable objectives (Nihalasi, P. et al., 1979, p. 203). A similar view is held by some supporters of the so-called "British heresy" in English language teaching, i.e. that the new emerging local standards of English are suitable for instructional purposes (see, e.g. Mutt, O., 1981, pp. 85-90).

The question has often been raised of whether the varieties of English in India, Pakistan and Africa, etc. are not becoming seriously degenerate and of whether they constitute a threat to mutual comprehensibility. Is English not fragmenting into a number of mutually unintelligible dialects like Latin did in the Middle Ages? It is argued that the more widely English is used in the world, the more pidginized it becomes and consequently the less useful it can be as an international means of communication. In an article on this subject Randolph Quirk (1972, pp. 47-52) has shown that although the new Englishes have their own special words, a distinctive pronunciation and even some grammatical features of their own, they nevertheless have in common with each other and with standard English a remarkably broad area of phonological, lexical and grammatical material. As such they are quite distinct from English-based pidgins, creoles, and even most of the more distinct regional dialects of the language (e.g. Cockney, Yorkshire). The more educated the speaker, the more likely it is the differences lie only in pronunciation. The value of English as a medium of international communication (both with the traditional English-speaking countries and the new-English-speaking ones) is so obvious that it places a constraint on the tendencies towards differentiation.

Moreover, it should be borne in mind that the specifically Indian, Ghanaian, etc. features cannot be regarded as "broken" English. They are the distinctive parts of a worthy and serious whole: a self-respecting, established variety of English—different from British and American varieties, but sharing much with them and little with pidgin. The largest number of differences exists among ordinary people in the middle range of education, some of whom do admit pidgin words into their usage. Such use of English, however, gets no reinforcement from the educated establishment and there is little danger that their kind of pidgin will supersede English and become the standard. Pidginized language is not encouraged by books, official documents or the mass media. Any change is more likely to be in an upward direction to the kind of international English used in newspapers, by teachers, government officials, etc. (Quirk, R., 1972, p.52).

Attention should also be drawn to the considerable centripetal influence on linguistic usage of the traditional

English orthography, i.e. the fact that the British and Americans as well as the Indians, Ghanaians, Nigerians, etc. continue to spell the language practically alike (not so in the case of, e.g. Neo-Melanesian, the English-based pidgin used in New Guinea for which a special new orthography has been devised).

Thus, the centrifugal tendencies in the new Englishes (the influence of local conditions, the desire to assert one's ethnic and cultural identity) are more than balanced by centripetal influences (the value of English as a means of international communication, the influence of the mass media, spelling) and there is little danger if any that the English language is going to break up as Latin did in its day.

A separate and interesting topic that can only be touched upon here is the use of English in the new national literatures of the Commonwealth countries. In Africa, India and the Caribbean, English is being moulded to the creative needs of writers of non-Anglo-American cultural traditions. The English style of prose writers like Achebe, Ekwensi and Tutuola in Nigeria, Sutherland in Ghana, Narayan in India, Naipaul in Trinidad, is rich, vivid and flexible. The English they use contains idiomatic expressions and imagery derived from local native languages, it has some specific syntactic features and is characterized by a remarkable freshness of technique. These new Commonwealth authors, many of them already famous, use English with a naturalness and ease that some observers have likened to the freedom and lack of self-consciousness of the writers of the Elizabethan period of English literature. Much experimentation is going on, especially in West African and Caribbean literature, among poets, playwrights and short story writers (see, e.g. Angogo, R. & Hancock, I., 1980, pp. 82-93).

A distinct aspect of the blossoming of literature in the Commonwealth countries is the extent to which its lively use of language will influence the vocabulary and style of English in the traditional English-speaking countries. The problem of the stimulating and enriching effect of new Englishes on the English language elsewhere, their impact on English as a whole, is receiving more and more attention at universities and other research centres throughout the world.

REFERENCES

- Angogo, R. & Hancock, I. English in Africa: emerging standards or diverging regionalisms? - English World-Wide. A Journal of Varieties of English, 1980, Vol. 1, No. 1, pp. 67-96.
- Lawton, D.L. English in the Caribbean. - In: English as a World Language /Edited by R.W. Bailey & M. Görlach. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1982, pp. 251-280.
- Lundquist, E. Är franska ett världsspråk? - Moderna Språk, 1970, Vol. LXIV, No. 3, s. 265-273.
- Mutt, O. Ten Facets of English. Ten Selected Lectures on the English Language. - Tartu: TRÜ rotaprint, 1975.
- Mutt, O. Some controversial views in the field of English language teaching (with particular reference to the "British heresy"). In: Methodica, Tartu, 1981, ACUT 565, pp. 85-90.
- Nihalasi, P., Toupe, R.K., Hosali, P. Indian and British English. A Handbook of Usage and Pronunciation. - Bombay, Calcutta, Madras: Oxford UP, 1979.
- Quirk, R. The English Language and Images of Matter. - London: Oxford UP, 1972.
- Todd, L. The English Language in West Africa. - In: English as a World Language /Edited by R.W. Bailey & M. Görlach. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1982, pp. 281-323.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ НОВЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (т.н. new Englishes)

Олег Мутт

Р е з ю м е

В результате национально-освободительного движения большинство колоний бывшей британской империи завоевали политическую независимость после второй мировой войны. В странах с многонациональным населением и с большим числом языков (Индия, ряд стран Африки и др.) английский язык является одним из нескольких или единственным государственным языком. Английский язык в этих странах отличается от литературного британского языка своими особенностями в произношении, лексике и, реже, в грамматике. В статье рассматриваются некоторые отличительные черты и закономерности развития этих новых вариантов английского языка.

ZU VERBALEN WORTVERBINDUNGEN IN DER LIV-
LÄNDISCHEN CHRONIK VON BALTHASAR RUSSOW

Lilia Otsmaa

Balthasar Russows Livländische Chronik hat bisher in erster Linie als eine reiche Quelle für die Geschichtsforschung gedient. Nicht weniger wertvoll und bedeutend ist die Chronik auch als Denkmal der baltischen Variante der mittelniederdeutschen Schriftsprache, die im Baltikum seit der zweiten Hälfte des 14. Jh. bis zum Anfang des 17. Jh. als die Sprache des amtlichen schriftlichen Verkehrs galt. Höchster Wert kommt der Chronik aber als Quelle für die Untersuchung der Phraseologie des baltischen Mittelniederdeutsch zu, denn obwohl sich Russow als Chronist im allgemeinen an den gelehrten Stil seiner Zeit hält (vgl. z.B. lange Perioden der Sätze, Mehrgliedrigkeit des Ausdrucks), so benutzt er als protestantischer Pastor in seinem Werk andererseits auch eine große Anzahl von volkstümlichen Wendungen. Russows lebhaft, bildreiche und anschauliche Ausdrucksweise tritt aber besonders deutlich zutage, wenn man an K. Sallmanns wehmütige Worte über die Armut an Redewendungen im späteren baltischen Hochdeutsch (Sallmann, 1880, S. 3) denkt.

Wenn man das reichhaltige phraseologische Belegmaterial der Chronik nach dem strukturell-semanticen Prinzip (Chernyševa, 1980, S. 55ff) einteilt, stellt es sich heraus, daß im baltischen Mittelniederdeutsch des 16. Jh. alle Gruppen der Phraseologismen, die der gegenwärtigen deutschen Sprache typisch sind, vorhanden waren:

1. Phraseologische Einheiten (mit vier strukturell-semanticen Untergruppen):

1) verbale phraseologische Einheiten

vgl. dat etlike Lyfflendische... Koeplüde...

eine Rode vp eren egenen rüggen gebunden hebben 200a⁺
mnd. rode f. = 'Ruthe zur Züchtigung' (Sch-L III 494)

2) nominale phraseologische Einheiten

vgl. ... so vp ere eigene handt dem hupen nagetogen
waren 151a

⁺ Die numerierte Seite der Blätter der Chronik wird mit "a", die nicht numerierte Rückseite mit "b" bezeichnet.

- 3) Wortpaare
angest vnde bange 109b
- 4) stehende Vergleiche
do wörden se... alse Schape erwörget 135b
2. Phraseologische Verbindungen:
alle ere varende haue 149a
3. Phraseologische Ausdrücke (mit zwei Untergruppen entsprechend ihrem kommunikativen Wert):

- 1) Satzredensarten
... dat velen de Hare tho berge gestahn hebben 153a
- 2) Sprichwörter
also gewinnen, also gerunnen 122b

Wie im gegenwärtigen Deutsch, so bilden auch in Russows Sprache die phraseologischen Einheiten sowohl infolge ihrer Vorkommensfrequenz als auch ihrer Semantik nach die zentrale Schicht der Phraseologismen, weshalb sie in erster Linie zu betrachten sind. Im vorliegenden Aufsatz werden wegen Raum-mangel nur die verbalen phraseologischen Einheiten behandelt, die neben den Wortpaaren (Otsmaa, 1977, S. 113) die zahlenmäßige stärkste Gruppe der phraseologischen Wortfügungen der Chronik bilden.

Die Analyse der Bedeutung und der lexikalischen Besetzung der verbalen phraseologischen Einheiten der Chronik und ihr Vergleich mit den gleichartigen Fügungen der deutschen Gegenwartssprache führten zu folgenden Ergebnissen:

Die meisten verbalen Phraseologismen der Chronik bestanden im 16. Jh. oder bestehen noch heute auch im Hochdeutschen:

1) in gleicher Bedeutung und lexikalischer Besetzung, z.B.

sint etlike van den ... Junckern so goder Dinge gewesen 168b. Hd. guter Dinge sein 'gut gelaunt sein' (K 821).
de mosten ... de tzeche dier ... betalen 122a. Hd. die Zeche bezahlen müssen 'für anderer Taten allein büßen müssen' (B-W-Sch 171).

hebben se alle Kundtschoß in den windt geschlagen 141a. Hd. etw. in den Wind schlagen 'es unbeachtet lassen' (B-W-Sch 512).
... vnde hefft darna alle haue vnd gäder ... pryß gemaket vnde geplündert 48b. Mnd. prifs, prise (< frz. prise) 'Ergreifung, Beute' (Sch-L III 376). Frühnhd. preis-machen 'zur Beute machen' (P 460). Heute nur noch: preisgeben 'j-n., etw. aufgeben, verraten; j-n., etw. einer Sache überlassen, ausliefern' (K 2856).

hefft he synen moedt an dem Dwenger der Stadt kolen willen 187b. Hd. sein Mütchen an j-m. kühlen 'seinen Zorn an j-m. auslassen' (K 2579). Auch hd. steht in der Wendung noch das Basiswort "muot" 'Haß, Zorn, Ärger' (R II 664). Die Verkleinerungsform "Mütchen" ist erst seit der zweiten Hälfte des 17. Jh. in der Schriftsprache geläufig (B-W-Sch 342). ... de Erffindt ... lachede in de Vuest 97b. In der deutschen Gegenwartssprache nur in der Verkleinerungsform: ins Püschchen lachen 'heimlich schadenfroh lachen' (K 1233). Im Frühnhd. noch: in die Faust lachen (B-W-Sch 133).

2) in gleicher Bedeutung und ähnlicher lexikalischer Besetzung, z.B.

... vnde hebben alle de schwedischen ... Landesknechte in der drüppen steken laten 107a. Mnd. druppe f. 'Tropfenfall, Traufe' (L 489). Hd. in der Patsche sitzen oder stekken 'in Unglück oder Verlegenheit sein'. Hd. Patsche f. 'Kot, Schmutz' (P 451).

... vnde syner darauer in der schlachtinge tho korth geworden was 16b. Hd. zu kurz kommen 'benachteiligt werden, übervorteilt werden', bezieht sich zunächst auf das Nichterreichen eines räumlichen Ziels (R I 561). Davon zeugt auch die nd. Variante to kort scheten (B-W-Sch 291).

Nur eine geringe Anzahl der verbalen Phraseologismen der Chronik ist aus der deutschen Sprache verschwunden, da sie veraltete Verhältnisse des gesellschaftlichen Lebens widerspiegeln, z.B. ... alle Jar in der Bursprake affgero-gen wörde 25b. Mnd. in der bürsprake affropen 'alte oder neue Gesetze ein- oder zweimal jährlich der Stadtbevölkerung verkünden' (Sch-L I 457).

... vnde ein yder vam Adel, in synem Haue, ock ein eigen Hoffgerichte tho Halse vnde tho buke to richtende gehat hefft 42b. Mnd. buk 'Bauch, Rumpf, Körper' (L 366). Mnd. hals auch: 'Leben' (Sch-L II 178). Vgl. hd. das Halsgericht, h i s t. 'Gericht über schwere Verbrechen' (K 1697).

... sindt de Börger vnd Gesellen in den Mey gereden 34a. Mnd. in den Mey reden 'den Sommeranfang feiern' (Sch-L III 57).

... dat ein Koepgeselle den prys vor dem Landesfürsten ... von der Bane vören scholde 59b. Mnd. pris m. 'Preis, Ruhm' (< afrz. prise) (Sch-L III 376). Bei Russow 'Ruhm', speziell 'die Anerkennung des Vorzuges in einem Kampfe'. Heute tritt "Preis" in der Bedeutung 'Ruhm' nur noch in einigen

archaischen Ausdrücken auf. Vgl. r e l i g. Gottes Lob und Preis singen (K 2855). Auch die zweite Basiskomponente Bane hat in der Chronik die alte Bedeutung 'Kampfbahn', vgl. mnd. bane, f. 'freier Raum, flache Ebene, Kampfplatz, Bahn, Weg' (L 141). Das Veralten der ursprünglichen Bedeutung der beiden Basiswörter ('Ruhm', 'Kampfplatz'), was zur völligen Demotivierung der Wendung führte, konnte zu ihrem Verschwinden aus dem Sprachgebrauch beitragen.

Viele Phraseologismen, deren verallgemeinerte Gesamtbedeutung heutzutage verdunkelt ist, treten bei Russow noch völlig motiviert auf, da ihnen allgemeinbekannte Situationen aus der damaligen Wirklichkeit zugrunde liegen, z.B. dat Koepelde ... eine Rode vp eren egenen rüggen gebunden hebben 200a. Md. sich selbst eine Rute auf den Rücken binden 'sich selbst bestrafen oder schädigen' (R I 783). Bei Russow ist der Zusammenhang zwischen dem eigentlichen Vorgang, daß in den Zeiten der Leibeigenschaft der zu Züchtigende sich tatsächlich die Rute, mit der er geschlagen wurde, selbst binden sollte (B-W-Sch 406), und der seit Anfang des 16. Jh. auftretenden verallgemeinerten Bedeutung noch völlig durchsichtig. Im Baltikum konnte noch Ende des 18. Jh. Rutenstrafe verhängt werden (Hupel, 1795, S. 198).

dat se alle van Leder gerücket vnde men nicht andres gehöret hefft, als Houwe, steck vnde schla 59b. Mnd. van Leder rücken 'den Degen aus der Scheide ziehen, zu Tötlichkeiten Übergehen' (Sch-L II 643). In der gleichen Bedeutung auch bei Russow. Hd. vom Leder ziehen 'angreifen, scharf vorgehen, sich rücksichtslos äußern' (R I 587). Das der Wendung zugrunde liegende Bild von der ledernen Schwertscheide ist heute verblaßt.

welckere de Muscowiter nicht vorgeues in de schantze gesettet hefft 134a. Mnd. schanze f. 'Glückswurf, Glücksfall, Wagnis'. Vgl. mnd. in de schanze slân 'es aufs gute Glück dran setzen, wagen' (Sch-L IV 46). Mnd. schanze < altfrz. chance ist um 1200 entlehnt worden (B-W-Sch 418) und erschien schon im 15. Jh. in verallgemeinerter Bedeutung in vielen Wendungen (B 177). ... beth ... se de schanze ein mahl vorsegen 135a. Mnd. de schanze versên 'die passende Gelegenheit versäumen, einen Fehltritt tun' (Sch-L IV 46). Heute erscheint "Schanze" nur in der festen Wendung "in die Schanze schlagen" 'sein Leben aufs Spiel setzen' (K 3167). Da das Wort "Schanze" mit der Zeit außer Gebrauch gekommen

und unverständlich geworden ist, gilt die Wendung heute als völlig demotiviert.

syner Hauelſde etlickes, hebben her holden möten, welckere in velen stücken thohacket sint 137b. Hd. herhalten müssen 'für die anderen büßen müssen' (K 1783). Gemeint ist ursprünglich den Kopf oder auch einen anderen Körperteil zur Züchtigung herhalten müssen (P 288). Die Wendung erschien schon bei Luther in übertragener Bedeutung und verkürzter Form (B-W-Sch 222) und gilt heute als völlig demotiviert. Bei Russow läßt sich der ursprüngliche Sinn der Redewendung noch ohne weiteres aus dem Kontext schließen.

Eine ganze Reihe von Wendungen, die Russow in seiner Chronik benutzt, kann man nur bedingt Phraseologismen nennen, da der Idiomatisierungsprozeß ihrer Komponenten und die Herausbildung der lexischen Festigkeit nur begonnen haben, vgl. also de beiden hupen tho velde gekomen sint 31a; ... dat he ... int Velt trecken würde 141a; ... also he sick wedder den viendt int veldt begeuen hadde 26b; Do tögen Hertoch Albrecht vnde de Meister Volquin ... int Veldt 11a: Also se nu van beiden parten int veldt gerücket sint 51b. Mnd. velt(-ld) n. 1. freie Fläche 2. Wiese 3. bebautes Feld 4. Kampfplatz, Heerlager. Mnd. up dat velt komen 'in Kampf geraten', to velde, in dat velt tēn 'zu Felde ziehen' (L 687). Bei Russow: 'in den Feldzug, in die Schlacht gehen'. Eine so reiche Variabilität (to velde, vp dat velt, int velt komen, tehen, trecken, rücken, sick begeuen) weist darauf hin, daß im 16. Jh. im Mnd. sich die lexische Festigkeit und die ganzheitliche Gesamtbedeutung der Wendung noch nicht völlig herausgebildet hatten. Der Metaphorisierungsprozeß hat aber doch schon begonnen - in Verknüpfung mit den oben angeführten Verben und Präpositionen bezeichnet velt nicht mehr 'Feld' sondern 'Feldzug, Schlacht'. Für die vollständige semantische Transformation der Wendung, vgl. hd. gegen j-n., etw. zu Felde ziehen 'gegen j-n., etw. vorgehen' (K 1246) gibt es in der Chronik keine Belege.

Auch die übrigen Wendungen mit dem Basiswort velt beziehen sich in der Chronik nur auf das Militärwesen: .. tho velde liggen 144a 'im Kriege sein'; tho velde sin 23a 'im Feldzuge sein'; dat veldt beholden 25b 'die Schlacht gewinnen'; vth dem Velde schlagen 148a 'den Feind besiegen'. Eine vollständige Bedeutungsisolierung, die es ermöglicht hätte, diese Wendungen auch in anderen Lebensbereichen zu

benutzen, hat im Mnd. offensichtlich noch nicht stattgefunden.

L I T E R A T U R

- Blumenschein G. Streifzüge durch unsere Muttersprache. Köln, 1898. (B)
- Borchardt-Wustmann-Schoppe Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. Siebente Auflage neu bearbeitet von A. Schirmer. Leipzig, 1955. (B-W-Sch)
- Chernyševa I.J. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. Moskau, 1980.
- Hupel A.W. Idiotikon der deutschen Sprache in Lief- und Estland. Riga, 1795.
- Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1961-1976. (K)
- Lasch A., Borchling G. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Hamburg, 1928-1934. (L)
- Otsmaa L. Von den stehenden Redewendungen in der Livländischen Chronik von Balthasar Russow (Paarformeln). In: Linguistica IX. Tartu, 1977.
- Paul H. Deutsches Wörterbuch. Fünfte Auflage. Bearbeitet von A. Schirmer. Halle (Saale), 1956. (P)
- Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. I, II. Dritte Auflage. Freiburg, Basel, Wien, 1974. (R)
- Sallmann K. Neue Beiträge zur deutschen Mundart in Estland. Reval, 1880.
- Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. I-VI, Bremen, 1875-1881. (Sch-L)

...

Chronica Der Prouintz Lyfflandt . . . Korth vnde loffwerdich
beschreuen Dorch Balthasar Russowen Revalienseur.
Rostock... Anno MDLXXVIII.

ГЛАГОЛЬНЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЯЗЫКЕ ХРОНИКИ БАЛЬТАЗАРА РУССОВА

Л. Отсмаа
Резюме

Рассмотрение значения и лексического состава глагольных фразеологических единств в языке хроники и их сравнение с соответствующими выражениями в современном верхне-немецком языке показывает, что 1) большинство глагольных фразеологических единств хроники существуют и в современном верхне-немецком языке с тем же значением и с тем же лексическим или похожим лексическим составом; 2) маленькое количество глагольных фразеологических единств, употребленных Руссовом, выпало из языка в связи с исчезновением устаревших общественных явлений; 3) многие выражения, фон которых сегодня уже не понятен, были во времена Руссова образно мотивированными, так как обычай и нравы, на которых они базировались, еще существовали; 4) ряд глагольных словосочетаний хроники можно только условно считать фразеологизмами, так как лексическая устойчивость их компонентов еще не полностью сформировались.

К ВОПРОСУ О ПОСЕССИВНЫХ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Л. Подольская

Вопрос о посессивных и экзистенциальных предложениях не раз рассматривался на материале различных языков. Такой интерес вполне понятен, так как бытие и обладание относятся к наиболее важным философским категориям. Однако в лингвистической литературе имеется много расхождений как в трактовке частных явлений, так и в понимании исходных теоретических положений, что свидетельствует о недостаточной разработанности проблемы и в частности вопроса о взаимосвязанности посессивных и экзистенциальных предложений.

В данной статье анализируются и сопоставляются некоторые основные типы экзистенциальных и посессивных предложений в английском, русском и эстонском языках.

Семантическая близость экзистенциальных, локативных и посессивных предложений отмечалась в лингвистической литературе (Арутюнова, 1976, с. 213-228; Гак, 1966, с. 301; Lyons, 1968, с. 395). Объясняется это взаимосвязанностью самих понятий существования, наличия, нахождения, присутствия, обладания. Так, обладание представляет собой наличие предмета у обладателя; "наличие" же определяется в словарях через "существование", "нахождение", "присутствие". С логико-семантической точки зрения можно утверждать, что экзистенциальные, локативные и посессивные отношения нередко переходят друг в друга (Арутюнова, 1976, с. 228). В некоторых языках смысловое сходство подкрепляется также сходством поверхностных структур. Вполне понятно, что в таких языках посессивные предложения можно рассматривать как разновидность экзистенциальных, как это делает Н.Д. Арутюнова на материале русского языка (Арутюнова, 1976).

О.Н. Селиверстова, анализируя экзистенциальные и посессивные предложения на логико-семантическом уровне, утверждает, что оба эти типа предложений указывают на нахождение объекта в пространстве (Селиверстова, 1975, с. 35). Слово "пространство" при этом употребляется в широком смысле для обозначения не только физического пространства но и пространства класса, ситуации и т.д. Автор указанного исследования приходит к выводу, что русские предложения типа "X (есть) Y" и "X имеет Y", а также английские предложения типа "X has Y" включают при-

знак "экзистенциальность" (Селиверстова, 1975, с. 41; Селиверстова, 1977, с. 23). При таком подходе к анализу предложения не принимается во внимание структурная модель предложения.

Н.Д. Арутюнова выделяет экзистенциальные предложения в русском языке как один из логико-семантических типов предложения, наряду с предложениями тождества, номинации и характеристики. Экзистенциальные предложения рассматриваются как смысловые структуры в терминах семантических составляющих: области бытия, бытующего объекта и факта бытия (Арутюнова, 1976, с. 212). Новым в экзистенциальных предложениях является сообщение о том, что в некотором пространстве имеется объект. Коммуникативно важную часть (рему) таких предложений составляет имя существительное, обозначающее этот объект, вместе с бытийным глаголом (Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 8). Характерной чертой экзистенциальных предложений в русском языке является относительно стабильный компонент "факт бытия". В особенности это проявляется в отрицательных предложениях, в которых предикат "нет" способствует распознаванию предложений данного типа. Так, предложения "На столе нет бумаги" и "У меня нет бумаги" объединяются в один тип предложений. Н.Д. Арутюнова делает вывод, что в русском языке используется единый способ для описания макромира и микромира человека, тогда как в германских языках, например, макромир изображается при помощи экзистенциального глагола "быть", а микромир человека – при помощи глагола "иметь" (Арутюнова, 1976, с. 257).

В эстонском языке экзистенциальные и посессивные предложения также строятся по одинаковым моделям. Компонент "факт бытия" также относительно стабилен и выражен формой глагола "olema" – он в утвердительном предложении и ei ole в отрицательном. Область бытия выражена существительным в адессиве (реже инессиве), бытующий объект выражен существительным в номинативе или партитиве. Если область бытия выражена неодушевленным существительным, то предложение чаще всего передает отношение экзистенции, если же одушевленным, то это обычно отношение обладания. Сравним предложения *Laul on raamat* (На столе книга) и *Peetril on raamat* (У Петра книга). Однако не вполне ясно, к какому разряду отнести предложения *Laul on neli jalga* (У стола четыре ножки) и *Majas on kolm tuba* (В доме три комнаты), в которых выражено либо отношение целого и его частей, либо нахождение

ние предмета в области существования другого предмета.

В эстонском языке интерес представляет также вопрос о противопоставлении тотального и парциального объекта. В утвердительном предложении бытующий объект может быть выражен существительным в форме номинатива (тотальный объект) или партитива (парциальный объект):

Ср.: *Mul on suhkur* и *Mul on suhkrut*; *Isal on raamatud* и *Isal on raamatuid*; *Laua! on leib* и *Laua! on leiba*.

В отрицательных экзистенциальных и посессивных предложениях бытующий объект выражен существительным в партитиве:

Laua! ei ole leiba

Mul ei ole suhkrut

Isal ei ole raamatuid

Если же существительное употреблено в номинативе, то в предложении актуализируется бытующий предмет не вместе, а отдельно от бытийного компонента, и предложение перестает быть экзистенциальным:

Laua! ei ole (mitte) leib (vaid sai).

В таких предложениях отрицание не общее, а частное. Здесь не отрицается факт нахождения предмета в пространстве, а сообщается, что в пространстве находится не данный предмет, а другой. Предложение с парциальным подлежащим типа *Laua! on leiba* всегда экзистенциальное, предложение с тотальным подлежащим типа *Laua! on leib* экзистенциальное только в том случае, когда ему соответствует отрицательное экзистенциальное предложение типа *Laua! ei ole leiba* (см. Ere!t, 1978, с. 3-4).

В отрицательных предложениях с посессивным значением бытующий предмет употребляется только в партитиве:

Mul ei ole raamatut.

Противопоставление общего и частного отрицания в экзистенциальных предложениях наблюдается и в русском языке. Ср.: "У меня нет пальто" и "У меня не пальто (а шуба)".

В английском языке показателем экзистенциальных предложений является конструкция "there + be", реже вместо *be* употребляются другие глаголы со значением существования, местоположения, движения (*live, stand, come* и др.). К разряду экзистенциальных относят также некоторые предложения с глаголом *have* на том основании, что они синонимичны предложениям, построенным по модели "there + be". Так, Р. Кверк считает экзистенциальными следующие предложения:

He has several friends in Paris.

There are several friends (of his) in Paris.

Several friends of his are in Paris. (Quirk, 1982, S. 366)

Такое употребление глагола *have* связано с широтой его значения и ослаблением или полной утратой значения обладания в некоторых контекстах. По мнению Э. Баха, глагол *have* в английском языке употребляется очень часто в тех случаях, когда в других языках используются самые разнообразные слова и конструкции (Bach, 1967, 479).

Значение обладания у глагола *have* наиболее ярко выражено в том случае, когда предмет обладания является собственностью обладателя, принадлежит ему. Глагол передает отношение обладания в узком смысле, т.е. владение. В английском языке для обозначения таких ситуаций используются также синонимы глагола *have* — *own*, *possess*, реже *hold*. В этом случае применимы трансформации в предложения с глаголом *belong* и другие предложения со значением принадлежности:

He has a farm --> The farm belongs to him --> The farm is his --> He is the owner of the farm.

Глагол *have* употребляется и в тех предложениях, в которых нет информации о принадлежности предмета лицу, а сообщается лишь о наличии предмета в распоряжении лица в определенный момент и в определенном месте. Показателем служит контекст, обычно достаточно широкий. Вне контекста не всегда ясно, какое значение глагола *have* реализуется:

Have you a gun? (G. Greene)

On teil revolver?

Для снятия двусмысленности используются следующие слова и словосочетания: в английском языке *on*, *along*, *in one's hand*, "*with* + местоимение", в эстонском языке *käes*, *seljas*, *peas*, *kaasas* и др.

He had a large ring on his finger... (G. Greene)

Tal oli sõrmes suur sõrmus...

В русском языке для выражения отношения временного обладания (наличия) используются специальные конструкции: на нем N, при нем N, он в N, а также словосочетания "с собой", "в руке", "на голове" и т.д., которые уточняют значение конструкции "У X (есть) Y":

У меня нет с собой ручки.

Предложения со значением наличия строятся чаще всего по модели $N_1 V N_2 p N_3 (D)$. Позиция $p N_3 (D)$ может быть опущена, при этом при переводе на другой язык она может быть за-

мещена:

He had a return ticket. (G. Greene)

Tal oli tagasisidupilet taskus.

В этих предложениях выражен посессив наличия (Lyons, 1965, с. 395). Такие предложения трансформируются в предложения с "there + be" и приближаются по значению к экзистенциальным. Однако все же имеется тонкое различие между предложениями с have и "there + be" (см. Селиверстова, 1977, с. 51-57). В предложениях с глаголом have более отчетливо выражено, что лицо, обозначенное существительным-подлежащим, имеет определенное отношение к ситуации, выраженной в предложении:

Ср.: I have a pen in my pocket и There is a pen in my pocket.

В русском и эстонском языках также часто употребляются предложения со значением посессивного наличия. Предложения типа "У меня в кармане ручка" и "Mul on taskus sulere", построенные по посессивной модели, более употребительны, чем соответствующие предложения, построенные по экзистенциальной модели: "В моем кармане ручка" и "Minu taskus on sulere".

К следующему типу предложений с глаголом have относятся такие, в которых предмет обладания — часть тела обладателя. В русском и эстонском языках для передачи такого отношения также используются посессивные структуры. Основная коммуникативная нагрузка падает на определение перед наименованием части тела:

She had blue eyes.

У нее были голубые глаза.

Tal olid sinised silmad.

В русском и эстонском языках в предложениях данного типа возможен и иной порядок слов, при котором определение стоит в конце предложения:

Глаза у нее были голубые.

Silmad olid tal sinised.

Предложения данного типа отходят от посессивных и экзистенциальных предложений и приближаются к предложениям иного типа:

Ср.: Her eyes were blue.

Ее глаза были голубые.

Ta silmad olid sinised.

Наконец, остановимся на предложениях с глаголом have, в которых так называемый предмет обладания выражен абстракт-

ным существительным. В этих предложениях значение обладания у глагола have ослаблено или полностью утрачено. Об этом свидетельствуют и трансформации, применимые к данным предложениям, и их перевод на другие языки.

Если абстрактное существительное обозначает личное качество или состояние человека, то предложение близко по значению к рассмотренным выше предложениям, в которых предмет обладания - часть тела человека. Предложение передает отношение характеристики, о чем свидетельствует и применение следующей трансформации:

He had courage --> He was courageous.

She has patience --> She is patient.

Обычно перед существительным употребляется определение:

I have an excellent memory. (A. Christie)

При переводе таких предложений на русский и эстонский языки используются посессивные конструкции типа "У меня (есть) X", "Mul on X", а также глаголы с посессивным значением (эст. *omama*, русск. обладать):

Mrs. Strickland had the gift of sympathy. (S. Maugham)

Mrs. Strickland omas oskust inimestele kaasa tunda.

Миссис Стрикленд обладала даром сочувствовать чужому горю.

She had only the vaguest knowledge of European geography. (G. Greene)

Tal olid kõige ähmasemad teadmised Euroopa geograafiast.

У нее были весьма скудные познания в географии Европы. Однако нередко предложения с глаголом have и следующим за ним абстрактным существительным переводятся на эстонский и русский языки при помощи слов и конструкций, не имеющих никакого отношения к посессивным моделям. Иногда в переводе употребляется глагол того же корня, что и абстрактное существительное:

... he had a great love and respect for her. (G. Greene)

... ta armastas ja austas teda.

... он очень любил и уважал ее.

... she came back to have another laugh and another cry upon my shoulder. (Ch. Dickens)

... ta tuli uuesti tagasi, et mu õla najal uuest naerda ja nutta.

... она вернулась, чтобы снова посмеяться и поплакать у меня на плече.

В некоторых случаях абстрактное существительное в переводе сохраняется, а вместо глагола *have* употребляется другой глагол, не имеющий значения обладания:

Minnie had a quaver of conscience as she took it.

(Th. Dreiser)

Seda vastu võttes tundis Minnie südametunnistuse piina.

Это может быть вызвано необходимостью подчеркнуть, что в предложении выражено действие, а не состояние, так как глагол *have* способен передавать отношение обладания не только в статическом, но и в динамическом аспекте:

...he had a good search. (G. Greene)

... ta tegi hoolika läbiotsimise.

... he had the conviction that something good might result. (A. Hailey)

... tekkis tal kohe veendumus, et kõik lõpeb veel hästi.

В приведенных переводах английских предложений на эстонский язык употреблены эквиваленты абстрактных существительных оригинала, а вместо глагола *have* употреблены глаголы *tegema* (делать) и *tekkima* (возникать).

Таким образом, исследование показало, что английским предложениям с глаголом *have* в основном соответствуют посессивные предложения в русском и эстонском языках. Последние можно, однако, рассматривать как разновидность экзистенциальных предложений, поскольку они строятся по одинаковым моделям. Обладание – широкое понятие, и основные способы его выражения во всех трех языках получили широкую сферу употребления и выражают не только отношение владения, но также отношение целого и его частей, отношение посессивного наличия и характеристики. Самая широкая сфера употребления все же у английского глагола *have*. Об этом свидетельствует перевод предложений с этим глаголом на русский и эстонский языки.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976. 383 с.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., Русский язык, 1983. 198 с.
- Гак В.Г. Беседы о французском слове. М., Международные отношения. 1966. 335 с.
- Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. М., Наука, 1975. 240 с.
- Селиверстова О.Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке. – Ф. кн.: Категории бытия и обладания в языке. М., Наука, 1977, с. 5-67.

- Bach E. "Have" and "be" in English syntax. - Language, 1967, vol. 43, N 2, p. I, p. 462-483.
- Erelt M. Markmeid partsiaalsubjekti kohta eesti keeles. - Keel ja struktuur, Tartu, 1978, vihik 10, lk. 3-9.
- Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, University Press, 1968. 519 p.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A university grammar of English. Moscow, Vyssaja škola, 1982. 391 p.

ON POSSESSIVE AND EXISTENTIAL SENTENCES

Ludmila Podolskaya

S u m m a r y

The article is devoted to the comparative study of existential and possessive sentences in such non-cognate languages as English, Russian and Estonian. Both semantic and syntactic structures are analysed. It appears that in Russian and Estonian possessive and existential sentences are built according to the same structural pattern. Thus possessive sentences in these languages may be regarded as variants of existential ones. Possession being a wide notion, the main ways of its expression in all the three languages in question have acquired a wide range of application, though "have" has the widest and sentences with this verb are occasionally translated into Russian and Estonian by non-possessive constructions.

ZUM ABLAUTSYSTEM IM GERMANISCHEN

Juhan Tuldava

Entstehung des Ablauts. Ablaut oder Apophonie⁺ nennt man den regelmäßigen Wechsel bestimmter Vokale in etymologisch zusammenhängenden Wörtern und Wortformen, z.B. dt. sprechen - sprach - gesprochen - Sprache - Spruch; engl. write - wrote - written; schwed. bära - bar - burit. Der Ablaut kommt in allen germanischen Sprachen vor. Er stammt aus der indoeuropäischen (ie.) Zeit und ist auch in anderen indoeuropäischen Sprachen zu belegen. Man unterscheidet zwei Arten von Ablaut: den qualitativen (hauptsächl. ie. e - o, germ. e (i) - a) und den quantitativen (e - ē, o - ō usw. und die Reduktionsstufe). Die Entstehung der beiden Arten des Ablauts läßt sich aus den Akzentverhältnissen erklären, die zu verschiedenen Zeiten im Indoeuropäischen herrschten (siehe z.B. Krahe H., 1963; ebenso: Tuldava J., 1981). Anders erklären die Entstehung des Ablauts die sog. Laryngaltheorie (Kurylowicz J., 1956) und die Theorie der Vokalharmonie (Trombetti A., 1923; Кравчук P.B., 1969).

Die Ablautreihen im Germanischen. In den germanischen Sprachen kommt der Ablaut in erster Linie im Verbalssystem zur Geltung, er spielt eine entscheidende Rolle bei der Bildung der Zeitformen der starken Verben.

Die historische Grammatik teilt die germanischen starken Verben nach ihrer Zugehörigkeit zu bestimmten Ablautreihen ein. Im wesentlichen sind 7 Ablautreihen zu unterscheiden. Bei den Reihen 1. bis 5. beruhen die Ablautverhältnisse auf dem indoeuropäischen e/o-Wechsel, der im Germanischen zu einem e/a-Wechsel geworden ist (ie. o > germ a), dazu kommt die Reduktionsstufe ("Nullstufe"). Die Einteilung der Verben in die ersten 5 Ablautreihen beruht auf der phonetischen Struktur der Stammsilbe. Je nachdem, welcher Laut dem Stammvokal e (oder o) folgte, ergaben sich verschiedene phonetische Varianten. So wurde z.B. die ur-

---

⁺ Der Terminus Ablaut wurde von Jacob Grimm geprägt; Apophonie (griech.) ist eine Lehnübersetzung der Grimmschen Wortprägung.

ursprüngliche Verbindung e + i im Germanischen zu ī, e + u ergab iu oder io usw. Im Gotischen wurde jedes e zu i. Die Struktur des Teilsystems (Ablautreihen 1. bis 5.) kann folgendermaßen dargestellt werden (mit Beispielen aus dem Gotischen und dem Althochdeutschen):

e +	i:	got. beidan	-	ahd. bītan	'warten'
	u:	biudan	-	biotan	'bieten'
	L+X:	hilpan	-	helfan	'helfen'
	L:	niman	-	neman	'nehmen'
	K:	giban	-	geban	'geben'

Anm.: L - Liquida oder Nasal (l, r, m, n);

X - beliebiger Konsonant;

K - beliebiger Konsonant außer l, r, m, n.

Die 6. Ablautreihe beruht auf dem quantitativen Ablaut: ie. o - ō bzw. a - ā, die beide im Germanischen a - ō ergeben, z.B. got. faran - fōr, ahd. faran - fuor 'fahren - fuhr'. Außerdem gibt es eine weitere Reihe, in der Verben zusammengefaßt werden, die ursprünglich und als Relikt noch im Gotischen das Präteritum durch die sog. Reduplikation bildeten, z.B. got. haldan - haíhald 'halten - hielt'. In den nord- und westgermanischen Sprachen ist die Reduplikations-silbe bei diesen Verben beseitigt, stattdem erscheint hier eine neue Art von Ablaut, die als die 7. Ablautreihe bezeichnet wird.

Innere Beziehungen im Ablautsystem. Die Anordnung der germanischen Ablautreihen stellt das Ergebnis einer wissenschaftlichen Ubereinkunft dar (nach W. Braune, 1886). Die Analyse zeigt jedoch, daß es auch eine innere Ordnung im Ablautsystem gibt, die die gegenseitigen Beziehungen zwischen den 7 Ablautreihen beherrscht. Darauf hat erstmals F. van Coetsem (1963) hingewiesen. Wenn man die Stammsilben der Verben der einzelnen Ablautreihen miteinander vergleicht, tritt ein symmetrisches Verhältnis zutage, das in der traditionellen Vorstellung gar nicht deutlich gemacht wird. Es herrscht Symmetrie zwischen den Ablautreihen 1. bis 3. einerseits und der Ablautreihe 7. andererseits, z.B. got.:

e +	i	beidan 'warten' (1.)	a +	i	haitan 'heißen' (7.)
	u	biudan 'bieten' (2.)		u	aukan 'vermehrten' (7.)
	L+X	hilpan 'helfen' (3.)		L+X	haldan 'halten' (7.)

Auch die Ablautreihen 4. und 5. können mit der Ablautreihe 6. symmetrisch gegeneinander gestellt werden:

e + L niman 'nehmen' (4.)   a + L faran 'fahren' (6.)
e + K giban 'geben' (5.)   a + K slahan 'schlagen' (6.)

Auf diese Weise zerfällt das System der germanischen Ablautreihen ganz natürlich in zwei symmetrische Gruppen: eine e-Gruppe und eine a-Gruppe, die je 5 Untergruppen haben.

Schließlich ist der Hinweis nötig, daß die obenerwähnte Klassifikation in "reiner" Form nur der älteren Periode des Gemeingermanischen ("Proto-Germanisch") zugehören kann. Auffällig dabei ist der symmetrische Aufbau des Ablauts im Verbal-system.

L I T E R A T U R

- Braune W. Gotische Grammatik. Halle (Saale), 1886.
van Coetsem F. Zur Frage der internen Ordnung von Ablauts-alternanzen im voreinzeldialektischen Germanischen. - Orbis, XII, 1963, No. 1, S. 262-283.
Krahe H. Germanische Sprachwissenschaft, I. 5. Aufl. Berlin, 1963.
Kurylowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
Trombetti, A. Elementi di glottologia. Bologna, 1923.
Tuldava J. Einführung in die germanische Philologie. Tartu, 1981.
Кравчук Р.В. Индоевропейский аблаут е:о - результат исчезнувшего сингармонизма? - В кн.: Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969, с. 12-20.

О СИСТЕМЕ АБЛАУТА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Юхан Тулдава

Р е з ю м е

В статье рассматриваются некоторые возможности классификации явлений аблаута в системе "сильных" глаголов германских языков.

NIEDERDEUTSCHES SUBSTRAT IM BALTISCHDEUTSCHEN LAUTBESTAND
DES XVII. JH. - VOKALISMUS

Koidu Uustalu

Mehrere Sprachforscher sind sich darin einig, daß das Baltischdeutsche ein niederdeutsches Substrat hatte (Ariste, 97; Deeters, 130 u.a.). Das gilt vor allem für die Sprache vom Ende des 19. und Beginn des 20. Jh., denn diese Periode ist gut erforscht, besonders auf dem Gebiet der Lexik und der Phonetik. Was die Sprache der früheren Jahrhunderte anbetrifft, ist darüber leider weniger bekannt (Hinderling, 96). Im folgenden wird ein Versuch gemacht, auf Grund von zwei baltischdeutschen Sprachdenkmälern des 17. Jh. aufzuhellen, ob und wie stark das niederdeutsche Substrat die baltischdeutschen Vokale der Stammsilbe in jener Zeit beeinflusst hatte.

Als Ausgangspunkt für die weitere Betrachtung soll das baltische Niederdeutsch ganz allgemein charakterisiert werden, wobei die geschriebene Sprache und die gesprochene Sprache getrennt behandelt sind.

Das baltische Niederdeutsch ist aus der mittelniederdeutschen Literatursprache der Hansezeit hervorgegangen, weist aber in seiner Entwicklung gewisse Eigentümlichkeiten auf. In Deutschland wird die Periode der mnd. Literatursprache in folgende Etappen eingeteilt (Sanders, 28):

1) 13-14. Jh., das Frühmittelniederdeutsche - ost- und westfälische Literaturbewegungen herrschen vor;

2) 1350-1500, das Mnd. der klassischen Blütezeit - eine relativ einheitliche Existenzform des Mnd. Die Ausgleichssprache war in der Hansestadt Lübeck entstanden, wo sie den Kaufleuten ermöglichte, erfolgreich günstigen Handel zu treiben;

3) 16. Jh. das Spätmittelniederdeutsche - in den mhd. Texten sind hochdeutsche Elemente immer öfter und zahlreicher zu finden;

4) 17-18. Jh. - das Mnd. als Schrift- und Schreibsprache wird aufgegeben.

Im Baltikum eroberte das Mnd. die Position des schriftlichen Verständigungsmittels in den 60er Jahren des 14. Jh. (Otsmaa, 84), d.h. in der mnd. Blütezeit, als die wesentlichsten Unterschiede zwischen den Dialekten schon ausgegli-

chen waren und die Hansesprache entstanden war. Daß das baltische Nd. tatsächlich einheitlichen Charakter hatte und der Einfluß der regionalen Dialekte fast fehlte, wird von mehreren Sprachforschern anerkannt (Mitzka, 47; Hinderling, 96). Als Grund dazu wird die Tatsache betrachtet, daß die Deutschen hier größtenteils Adlige und Stadtbürger waren, die auch in der Heimat von der mnd. Ausgleichssprache Gebrauch gemacht hatten. Der eigentliche Träger der Dialekte ist der Bauer - eine Bauernkolonisation war im Baltikum aber ausgeblieben (Mitzka, 129). Also sind dialektale Eigentümlichkeiten im baltischen Niederdeutsch nur durch die Vermittlung der mnd. Ausgleichssprache möglich. In den Sprachdenkmälern des 16. Jh. ist die hd. Lexik nicht massenhaft vertreten. Im Gegenteil: L. Otsmaa stellt fest, daß die Sprache in der Rusow'schen Chronik aus dem 16. Jh. im wesentlichen der Norm der mnd. Schriftsprache entspricht (Otsmaa, 93). Demzufolge gibt es keinen Grund, das 16. Jh. als eine besondere Etappe zu betrachten.

Der Einzug der nhd. Schriftsprache wird mit dem Ende des 16. Jh. datiert (Brattegard, 14; Mitzka, 130; Hinderling, 94; Ariste, 97; Otsmaa, 105), zur gleichen Zeit vollzog sich auch der Prozeß in Deutschland (Rösler, 69). Der Wechsel der schriftlichen Verkehrssprache vollzog sich verhältnismäßig schnell und vollständig. Das Baltikum, die brandenburgischen und preußischen Städte gingen am schnellsten zum Neuhochdeutschen über (Sanders, 160). Der Übergang war so leicht realisierbar, weil eine Schriftsprache, das Mnd., durch eine andere, das Nhd., im Sprachgebrauch der Adligen und Städter ersetzt wurde. Es gab keine Bauern, die mit ihrem Dialekt das alte Verständigungsmittel unterstützt hätten (Hinderling, 96). Also ist das baltische Nd. ein einheitliches Ganzes und vertritt die Sprache der klassischen Blütezeit.

Es ist anzunehmen, daß die gesprochene Sprache im 13. und 14. Jh. vom West- und Ostfälischen geprägt war, weil viele Einwanderer aus diesen Gegenden stammten (Mitzka, 46, 47, 56; Otsmaa, 87 ff.).

Allgemein akzeptiert wird der Standpunkt, daß die geschilderte Ausgleichssprache 1550-1600 im Baltikum auch im mündlichen Verkehr als Verständigungsmittel diente. Die gesprochene Gemeinsprache versuchte hier dem Beispiel der Schriftsprache zu folgen (Hinderling, 96; Mitzka, 46; 56; Grimme, 7). Nach dem Eindringen des Nhd. blieb das baltische

Nd. in seiner gesprochenen Form noch lange erhalten, besonders im Familien- und Freundekreis, in einem vertrauten Gespräch. Auch da wurde es seit der II. Hälfte des 18. Jh. seltener (Otsmaa, 106; Mitzka, 43). Im 19. und 20. Jh. sind Reste des Nd. vor allem in der Lexik, besonders in der Berufslexik zu erkennen (Hinderling, 96).

Das baltische Nd. als gesprochene Sprache läßt sich in folgende Etappen teilen:

- 1) 13-14. Jh., das anzunehmende Vorherrschen der west- und ostfälischen Dialektmerkmale;
- 2) 14-16. Jh., die mnd. Schriftsprache der klassischen Blütezeit als mündliches Verständigungsmittel;
- 3) 17-18. Jh., das Nd. im Familienkreis;
- 4) 19-20. Jh., hauptsächlich als Substrat im Baltisch-deutschen.

Der Übergang zum Nhd. vollzog sich allmählich, indem sich das Mnd. und Nhd. gegenseitig beeinflussten (Rösler, 70). Die Lexik nimmt als erste fremde Einflüsse auf (Sanders, 189), und so vergrößerte sich die Zahl der nhd. Wörter und Phraseologismen in den mnd. Texten. Auch im Lautbestand und in der Morphologie erscheinen hd. Formen immer häufiger, bis der Schreiber zum Nhd. Übergewechselt ist. Nicht selten werden in solchen Texten die Möglichkeiten beider Sprachen - und sogar parallel - ausgenutzt. Die Tatsache zeugt davon, daß der Schreiber wohl des Nhd. kundig ist, beim Gebrauch jener sich aber nicht ganz sicher fühlt und manchmal unwillkürlich nach gewohnten Ausdrucksmitteln greift, die er dann abwechselnd mit den neuen verwendet (Rösler, 67).

Die zwei hochdeutschen Texte, die für den vorliegenden Aufsatz das Belegmaterial gegeben haben, stammen aus dem 17. Jh., d.h. aus jener Zeit, als das Mnd. nicht mehr als Schriftsprache fungierte und nur im mündlichen Verkehr angewendet wurde. Das sind H. Göseken's "Manuductio ad Linguam Oesthonicam" (Reval 1660) und S. Guberts "Stratagema oeconomicum oder Akker=Student" (Riga 1688), vom letzteren wurde die Ausgabe von 1757 zum Vergleich herangezogen. Die beiden Texte werden zusammen betrachtet, obgleich der erstere in Estland, der andere in Lettland zusammengestellt worden ist. Obwohl die Sprachforscher behaupten, daß die Lexik und der Lautbestand des Baltisch-deutschen in Estland und Lettland unterschiedlich war (Deeters, 130), wird häufiger festgestellt, daß es ungeachtet dieser Unterschiede doch ein ein-

heitliches Ganzes war (Mitzka, 117; Hinderling, 96). Man unterscheidet wohl auf Grund der Sprachkenntnisse des Sprechers zwischen Baltischdeutsch, Kleindeutsch und Halbdeutsch (Hinderling, 96), aber das sowohl im estnischen als auch im lettischen Sprachraum.

Die durchgesehenen Texte vertreten das Baltischdeutsch. Da sie inhaltlich mit dem alltäglichen Leben zusammenhängen, ist der sprachliche Einfluß des im Alltag gesprochenen Nd. (Mnd.) stärker als sonst in Drucktexten jener Zeit. In der Lexik enthalten die Texte tatsächlich viel mnd. Elemente (Uustalu, 151 ff.). Im vorliegenden Aufsatz wird der nd. Einfluß im Vokalismus der Stammsilbe betrachtet, und zwar die Fälle, wo die Vokale in der betonten Silbe von der nhd. Norm abweichen. Solche Wortformen sind abwechselnd mit den normgerechten verwendet, die letzteren sind dabei in Überwiegender Mehrzahl. Das bestätigt die Behauptung, daß das gesprochene Mnd. den Schreiber gewissermaßen störte, die neue, nhd. Schriftsprache konsequent zu gebrauchen.

Die Erforschung lautlicher Prozesse und Erscheinungen in den älteren Entwicklungsstadien einer Sprache ist eine recht komplizierte Aufgabe, die nicht immer eindeutig gelöst werden kann (Prowatke, 60). Auch das Mnd. der Blütezeit, die Hansesprache, hatte eine häufig variierende Orthographie, was durch mehrere Faktoren bedingt war (Sanders, 68). Die durchgesehenen Texte vertreten aber schon die nhd. Schreibung, die mehr geregelt war als die mnd., was die Zuverlässigkeit der Behandlung erhöhen sollte.

Mnd. Monophthong anstatt des nhd. Diphthongs

î (> ei) vgl. Rösler, 70 f.

bltdt. mit einer Knipzangen (Gubert, 155, 164); nhd. Kneifzange; mnd. knîptange (L-B). Das mnd. Verb knîpan liegt auch dem nhd. kneifen zugrunde; anfangs wurde es teilweise an das Nhd. angeglichen - kneipen, seit dem 18. Jh. vollständig assimiliert - kneifen (P).

bltdt. Linwand (Göseken, 164, 264); nhd. Leinwand; mnd. lîn-want (L-B). Die hd. Parallelförm Linnen stammt ebenso aus dem Nd. (P), ist aber schon im Mhd. vorhanden; lînîn. Es ist kaum anzunehmen, daß der Monophthong über das Hd. ins Bltdt. eingedrungen ist, weil die unmittelbaren Kontakte mit dem Mnd. viel älter sind.

û (> au) vgl. Rösler, 70 f.

bltdt. Krausemüntz (Gubert, 148); nhd. Krausemünze; mnd.

krûseminte, krûs 'kraus, gekräuselt, in Falten gelegt' (L-B); estn. kruuzemünt, kruuzement, ruuzement (W)
 blttdt. Rutt (Gubert, 95), nhd. Raute 'Pflanze' < lat. rûta (P); estn. ruut, wiinaruut (W)
 blttdt. ein Abgchur (Gubert, 91), im 19. Jh. Schauer 'Scheune' (W); mnd. schûr 'Lageraum, Abstellraum' (L-B); estn. kuur

blttdt. Pudelchen (Gubert, 119, 178), im 19. Jh. Paudelchen 'Gefäß meist aus Lindensplint od. dünnem Holz' (G)

Mnd. Diphthong anstatt des nhd. langen Vokals

ei anstatt ê

In mnd. Texten konnte ei entweder einen langen Vokal oder den aus ê entwickelten Diphthong bezeichnen (Lasch, 24 f., 112 f.). In älteren östlichen mnd. Texten wird e, ee zur Bezeichnung des Monophthongs benutzt. Ende des 15. Jh. ist dort die Diphthongierung des ê schon möglich und wird wahrscheinlich durch ei, ey wiedergegeben (Lasch, 25, 73). Unsere Belegtexte aus dem 17. Jh. benutzen die (fr)nhd. Orthographie, wo nachgeschriebenes i nicht mehr die Länge des Vokals bezeichnet und ei vor allem als Diphthongzeichen gilt (Schmidt, 283).

blttdt. weinig (Göseken, 321, 463, 464, 493), weinigere (Göseken, 463), zum weinigsten (Göseken, 489); nhd. wenig. A. Lasch hat festgestellt, daß manche Wörter in gewissen Gegenden meistens mit ei statt ê geschrieben wurden, dieses ei aber nicht den langen Vokal bezeichnet. Das gilt auch für weinich (Lasch, 82).

blttdt. Leim=Lande (Gubert, 31); nhd. Lehm; mhd. lêim, leim, leh(e)m, lê(i)me, leyme 'feuchte Erde, die sich als Bindemittel eignet; Ton; Töpfererde' (L-B); blttdt. leimicht (Gubert, 117, 127); mnd. lêimich (L-B). ei in der Stammsilbe ist aus dem Mnd. in das Mhd. übernommen worden: leime, leim (P).

blttdt. milchschleiff (Göseken, 360); nhd. Schleiff 'Kochlöffel', wo der Diphthong erst in jüngerer Zeit entstanden ist. Nach J. Grimm und W. Grimm hieß das Wort im Md. schleif und schleef, im Nd. slêf (Gr). Seine orthographischen Varianten im Mhd. weisen darauf hin, daß auch hier der Diphthong ei statt des langen Vokals in der Stammsilbe möglich war: slêif, sleef, sleyf, slê(i)ve 'Kochlöffel aus Holz; Schöpflöffel; Honiglöffel' (L-B).

ue anstatt û

Im Brandenburgischen und Zerbstischen, deren dialektale Eigentümlichkeiten das baltische Niederdeutsch beeinflusst haben (Otsmaa, 98), standen seit vormnd. Zeit uo, uə dem mnd. ô¹ (= ahd. uo, ua) gegenüber (Lasch, 95). Darauf geht wohl die Schreibung ue in folgenden zwei Belegen zurück.

bltdt. Hohe schuel (Göseken, 369); nhd. Schule; mnd. schôle (L-B), ahd. scuola

bltdt. Waffel Spuel (spuelpfeiffe) (Göseken, 454), Weber Spuel (Göseken, 460), SpuelPfeiffe (Göseken, 463); nhd. Spule; mnd. spôle (L-B), mhd. spul(e)

Dem mnd. û (ô) entsprach im Westfälischen Uə (Soest) oder Ue (Rabensberg, Münster) (Жирмунский, 242). Daher:

bltdt. spûer, Spûerhunt (Göseken, 390); nhd. Spur, Spürhund; mnd. spôr, spôrhunt (L-B)

Kürze und Länge des Stammsilbenvokals

In den Belegtexten gibt es lautliche Varianten einiger Wörter, wo ein sonst im Nhd. langer Stammsilbenvokal als kurzer erscheint, was durch die Verdoppelung des folgenden Konsonanten zu erkennen ist.

Im allgemeinen sind die mhd. kurzen Vokale im Nhd. in der offenen Tonsilbe gedehnt worden. Manchmal ist die Dehnung vor -t und Endungen -en, -er nicht eingetreten. Seit dem 16./17. Jh. ist dann -t verdoppelt worden, d.h. die Silbengrenze ist in den Konsonanten hineinverlegt, wodurch die Tonsilbe nicht mehr offen ist (Schmidt, 289). In den Belegen tritt Kürze vor t + -en, -er öfters ein, als das sonst im Nhd. der Fall ist. Man darf hier wohl den Einfluß des Mnd. annehmen, wo t, d vor -en, -er sogar die Kürzung von langen Vokalen bewirkte (Lasch, 56).

bltdt. treten (Gubert, 26; Göseken, 165), wird zertreten (Gubert, 132); nhd. treten < mhd. trëtan

bltdt. Vatter (Göseken, 63, 65, 72, 73, 221); nhd. Vater < mhd. vater; mnd. vāder (L-B)

In frnhd. Zeit wurden lange Vokale vor t gekürzt, auch solche, die erst durch die nhd. Monophthongierung entstanden waren (Schmidt, 290). In den Belegtexten erscheint auch in diesem Fall die Kürze häufiger als das die Norm vorsieht, wobei wiederum das Mnd. mitwirken konnte (Lasch, 54).

bltdt. FeldGutt (Göseken, 186), des Guttes (Göseken, 331), unbeweglich Gütter (Göseken, 440); nhd. Gut < mhd. guot

bltdt. Hutt (Göseken, 229), fingerHutt (Göseken, 188), Hutt-

band (Göseken, 245); nhd. Hut < mhd. huot
blttd. aus der Hüttung (Gubert, 5), in die Hüttunge (Gubert, 15, 38), in der Nachthüttunge (Gubert, 142); mnd. hûdinge (L-B); nhd. hüten < mhd. hûeten

Die Bewahrung der mhd. Kürze und die Kürzung der Länge tritt im Blttd. des 17. Jh. auch vor f ein.

blttd. dem Hoffe (Gubert, 31), den Hoff (Gubert, 80), zur Hoffhaltunge (Gubert, 189). nhd. Hof > mhd. hof; mnd. hof, hōf, hoef (L-B). Noch im 19. Jh. waren beide, der lange und der kurze Vokal möglich: Hof od. Hoff (Gt).

blttd. Loff (Gubert, 180): mnd. lōp, lcep 'Maß für Getreide' (L-B); blttd. loofstett (Gubert, 106); mnd. lōpestede 'Bauernhof' (L-B). Im 18. Jh. waren sowohl die Kürze als auch die Länge möglich, im 19. Jh. gilt der kurze Vokal nicht mehr als richtig (Gt).

blttd. schlaffen (Gubert, 33, 143; Göseken, 358), beschlaffen (Göseken, 462), einschlaffen (Göseken, 170), entschlaffen (Göseken, 175, 358), sich schlaffen legen (Göseken, 358); nhd. schlafen < mhd. slāfen; mnd. slāpen (L-B) usw.

In den durchgesehenen Texten gibt es verhältnismäßig wenig Belege dafür, daß das Mnd. den blttd. Vokalismus im 17. Jh. beeinflußt hat (vgl. Sanders, 190). Am häufigsten begegnet die blttd. Vokalkürze statt der nhd. Vokallänge in der Tonsilbe, was durch die Bewahrung der älteren Kürze, die sonst im Nhd. gedehnt wurde, oder durch die häufigere Kürzung als das die nhd. Norm vorsieht, entstanden ist. Als Grund dazu wird die Verdoppelung des folgenden Konsonanten angesehen, wodurch die Silbengrenze in die Mitte des Konsonanten verlegt wurde und die Tonsilbe demzufolge nicht mehr offen war (Grimme, 19; Schmidt, 281). Im 20. Jh. wird festgestellt, daß im Blttd. der einem kurzen Tonvokal folgende Konsonant bedeutend länger ist als nach einem langen Vokal (Deeters, 131). Nach K. Hentrich ist das Verhältnis 1:2,90, während es in plattdeutschen Mundarten 1:1,20 beträgt (Hentrich, 18). Die Länge ist durch die Verlegung der Silbengrenze bedingt, was mit der Kürze des Tonvokals zusammenhängt. Auf Grund des Belegmaterials wäre es möglich anzunehmen, daß diese Erscheinung ihren Anfang im 17. Jh. hatte und auf das Zusammenwirken des hd. und nd. Sprachsystems zurückgeht.

LITERATUR UND QUELLENMATERIALIEN

- Ariste P. Keelekontaktid. Tallinn, 1981.
- Brattegard O. Die mittelniederdeutsche Geschäftssprache des hansischen Kaufmanns zu Bergen. II. Der Ausklang des Niederdeutschen. Bergen, 1946.
- Deeters G. Phonologische Bemerkungen zum baltischen Deutsch. - Etudes phonologiques. Prague, 1939.
- Göseken H. Manuductio ad Linguam Oesthonicam. Reval, 1660.
- Grimme H. Plattdeutsche Mundarten. Berlin, Leipzig, 1922.
- Gubertus S. Stratagema oeconomicum oder Akker-Student. Riga, 1688, 1757.
- Gutzeit W. Wörterschatz der Deutschen Sprache Livlands. Riga, 1859-1889.
- Hentrich K. Experimentalphonetische Studien zum baltischen Deutsch. - Abhandlungen des Herder-Instituts zu Riga. B. I, Nr. 3. Riga, 1925.
- Hinderling R. Die deutsch-estnischen Lehnwortbeziehungen im Rahmen einer europäischen Lehnwortgeographie. Wiesbaden, 1981.
- Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik. Halle a.S., 1914.
- Mitzka W. Grundzüge nordostdeutscher Sprachgeschichte. Marburg, 1959.
- Otsmaa L. Alamsaksa keelest Baltimail XIII-XVI sajandil. TRU toimetised 149. Tartu, 1964.
- Prowatke Ch. Zu Problemen der historischen Phonologie des Niederdeutschen am Beispiel des "Russisch-niederdeutschen Gesprächsbuches" von Tönnies Fenne. - Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 75/I. Berlin, 1981.
- Röeler I. Untersuchungen zum Eindringen des Hochdeutschen im Norden des deutschen Sprachgebiets. - Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 75/I. Berlin, 1981.
- Sanders W. Sachsensprache. Hansesprache. Plattdeutsch. Sprachgeschichtliche Grundzüge des Niederdeutschen. Göttingen, 1982.
- Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache. Berlin, 1969.
- Uustalu K. Niederdeutsche Elemente im Baltischdeutsch des 17. Jh. - TRU toimetised 619. Linguistica. Tartu, 1982.
- Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.-Л., 1956.

ABKÜRZUNGEN

- bltdt.,
Bltdt. - baltischdeutsch, Baltischdeutsch
- Gr - Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. B.IX.Leipzig, 1899.
- Gt - Gutzeit W. Wörterschatz der Deutschen Sprache Livlands. Riga, 1859-1889.
- L-B - Lasch A., Borchling C. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Fortgeführt von G. Gordes. Neumünster, 1976.
- P - Paul H. Deutsches Wörterbuch. Tübingen, 1976.
- W - Wiedemann F.J. Estnisch-deutsches Wörterbuch. Tallinn, 1973.

НИЖНЕНЕМЕЦКИЙ СУБСТРАТ В ВОКАЛИЗМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
ПРИБАЛТИКИ В XVII ВЕКЕ

Койду Уусталу

Р е з ю м е

В изучаемых текстах XVII века наблюдается параллельное использование нововерхненемецкого и некоторых средненижненемецких элементов. Это говорит о нестабильности усвоения нововерхненемецкого и о влиянии средненижненемецкого в качестве разговорного языка того времени.

В рассмотренных текстах средненижненемецкое влияние в вокализме слабо. В наибольшем количестве представлены примеры использования кратких гласных вместо соответствующих долгих в нововерхненемецком. Краткость гласных в ударном слоге сопровождается удвоением следующего согласного, что означает изменение открытого слога в закрытый, перемещение слогоделения в середину согласного.

"Необычные" краткие гласные возникли в результате одностороннего влияния языковых систем средненижненемецкого и нововерхненемецкого языков.

NOTES ON ONOMATOPEES IN THE COMIC STRIP

Enn Veldi

It is a well-established fact that onomatopoeia (words imitating acoustic phenomena) together with sound-symbolic words (imitating non-acoustic phenomena) form their own subsystem in any language (Воронин, 1983, 1982).

In order to study onomatopoeia, the first major task is to establish its inventory. Comic strip language as a variety of written English should not be neglected for this purpose. Firstly, large numbers of conventional onomatopoeia are used by the writers of this genre because the action in the cartoons is usually noisy and this noise has to be verbalized. To do this, onomatopoeia and interjections are a good solution because in addition to the fact that they verbalize noise, they do not require much text around them. Secondly, one is likely to find a great number of original onomatopoeia which have not been recorded in dictionaries. Here belong also the majority of vowelless (rarely consonantless) onomatopoeia which otherwise are few in English. Some of the ways how original onomatopoeia can be coined will be discussed below. Thirdly, it is common practice to use various graphic devices (graphopoeia) such as letter repetition, capitalization, orthographic deviations, etc. to enhance the iconic properties of words. This is of some interest as well.

The number of articles on onomatopoeia in the comic strip is not great. The ones that the author of this paper has seen are by H. Tysell (1935), J.-P. Reynvoet (1969), P. Fresnault-Deruelle (1971), A. Mansat (1972), D. Riffer-Maček (1976).

Let us now look at some of the ways how new onomatopoeia may appear. One of the possibilities is to fill the vacant places in the existing system of onomatopoeia. As is known, in English there are such word pairs as twank - twang, clank - clang, tinkle - tingle, dink - ding where both words imitate similar sounds with the difference that the first is shorter and the second longer. When we start looking for such word-pairs we can see that the dictionaries may include only one member of the pair. The other member may be missing or it may be found in dialects as is the case with whank

(dial) - whang, tank (dial) - tang, thunk - thung (dial). However, in many cases the missing counterpart can be occasionally found in the comics. In the following examples the one not found in the dictionaries will be underlined twice: chink - ching, chunk - chung, donk - dong, crank - crang, ponk - pong, poink - boing.

The number of onomatopoeic roots can be increased by apophonic variation eg. whank (dial) - whonk - whunk, phit - phat-phut, whack - whock, thwack - thwock, whop - whup. The system of phonological oppositions works quite differently in the onomatopoeic system than it does in "normal" language. This can be judged by the fact that if we compare words like bid, bed and bud we can see that they have totally different meanings. On the other hand if we compare words like phit, phat and phut their meanings are similar.

The existing onomatopoeic roots can be extended by inserting sound-symbolic infixes l and w in the premedial position of the root eg. pop - plop, beep - bleep, puff - pluff (dial), tang - twang, tink - twink. The same principle is used to create fresh words: ding - dling, pow - plow, ping - pwing, zoom - zwoom, pip - pwip. It is also possible to insert r, this sound denotes vibration eg. peep - preep. In the case of dring (the sound of a door-bell) one is tempted to say that it is a blend (ding + ring) although it can be explained by root-extension as well.

It is characteristic of the English onomatopoeic system to use the prothetic s. eg. plash - splash, creak - scream, crash - scrash. The prothetic s is also used to create new words in the comics. In this way we get plonk - splonk, proing - sproing, pash (dial) - spash.

Another interesting phenomenon in the onomatopoeic system is the use of "allolinguistic" prefixes eg. kerplunk, kersplash. The term "allolinguistics" was coined by Roger Wescott to denote the study of those phenomena in language which are iconic in character (Wescott, 1980, pp. 19-36). It is characteristic of these prefixes that they are never stressed, their denotative meaning is difficult to define whereas their connotative meaning is similar. Usually there exists a parallel variant of the word without the prefix. The "allolinguistic" prefixes of English and Estonian have been compared by the author of this paper (Veldi, 1984). In the material collected by the author the root boom took the fol-

lowing prefixes: ka-boom, klaboom, skaboom, skraboom, spa-boom, va-boom, wa-boom, kerboom. The other prefixes that occurred in the material can be found in the following words: bavroom, bah-room, berroom, bla-dow, buh-doom, fah whoon, kra-toom, kwe-rumf, pu whroom, skerrash, tachunk, terwhang, thakumf, yaroop, za-rakk. As can be seen, the infixes l, r, w and the prothetic s are used to extend also prefixes. Sometimes only one consonant is added to the root: eg. btump; ptang, ftoop, thtang, wkrash. This results in new unusual sound combinations.

Comic cartoons contain large numbers of vowelless words: eg. fsh (the sound of air escaping from a valve), pchh (the sound of a rifle shot), pschchchch (the sound of a pot boiling). It can be explained by the fact that, in principle, many sounds can be imitated by using consonants only. Therefore, the consonants are generally more important in onomatopoes than the vowels. The vowels may be more important than the consonants when they are long. In this case they imitate long tonal sounds as in the words tweeter and woofer. Since it is not expected that the reader should pronounce all these vowelless words, excessive letter repetition is common. eg. bzzzzz, brrrrrrrrrm, drrrrr.

Another phenomenon that is of interest is the diphthongization of vowels with the purpose of intensifying the meaning of the word, eg. bong - boing, ponk - poink. The meaning of the diphthongized word is more intensive. The phenomenon has been discussed in French (Reynvoet, 1969, pp. 108-110), but the same principle seems to work in English as well. A few more examples include plonk - ploink, dong - doing, bang - baong, plang - plaonng, pyong - pyoing, tziiiiiling - tzoiiiling.

Then, it should be pointed out that one is likely to find a number of words which contain the letter z. The best example is probably zzzzz for the sound of snoring. The ones recorded in dictionaries with the initial z include zip, zap, zit, zoom, zizz, zoozoo, zonk and zing. Onomatopoes like the last two are said to be a peculiar feature of the English language (Воронин, 1982, p. 63). The tendency to use z in American slang has been called "zazzification" by R. Wescott (Wescott, 1980, pp. 391-393). Our material contained such words as zunk, zump, zzakk, zok, zeeet, zoop, zotz, zreet, zrooom, zuumm, zwoom, zwoosshh, zzang, zzash,

zzzmmm, zzztt.

Finally, we shall discuss briefly the phenomenon that might be termed "graphopoeitics". By graphopoeitics we mean various graphic devices that are employed to reinforce the iconic properties of the word. The term "Graphopoeese" was used by G. Rump in connection with word-coinage by James Joyce and Arno Schmidt (Rump, 1976).

The most important graphopoeitic device is letter-repetition. Any letter of the word can undergo repetition: eg. fflump, vvroom, claaack, creeaak, kathummp, clangg. There are cases when several letters of the word are repeated simultaneously eg. vvrrroom, drriinnngg, zzinnng and it is also possible to prolong the prefix eg. kaablaamm.

Another device that is used to draw attention to the word is hyphenation. Every letter or only some part of the word may be hyphenated eg. t-o-o-o-t, g-gulp.

Besides, there are other possibilities to reinforce the iconic properties of the word such as capitalization and the violation of established orthographic traditions. The most common form of a deviated spelling is the use of the letter k instead of c or ck eg. klank, krak, smak. The letters may grow bigger as the sound becomes louder and the other way round. If the word denotes a vibratory sound the letters may be "vibrating" as well.

Onomatopoeic words are similar in different languages. It is a general law that in onomatopoeia isomorphic features prevail over allomorphic ones (Воронин, 1982, p. 189). Therefore, onomatopes may be subject to linguistic borrowing when comics are translated from one language into another (Riffer-Maček, 1976).

By way of conclusion it should be said that the comic strip contains useful material for the study of onomatopoeia and its study with the purpose of finding interesting linguistic examples should not be ignored.

REFERENCES

- Воронин С.В. Основы фоносемантики, Л., 1982.
Воронин С.В. Основы универсальной классификации онomatопов: онomatопея и фоносемантика. - В кн.: Материалы к X международному конгрессу фонетических наук авг. 1983 г., Утрехт, Нидерланды. М., 1983, с. 45-55.
Fresnault-Deruelle P. Aux frontières de la langue: quelques réflexions sur les onomatopées dans la bande dessinée.- Cahiers de lexicologie, 1971, 18, 1, p. 79-88.

- Mansat A. De AH à ERK. Contribution à une étude de l'interjection. - Les langues modernes, 66. année, No. 3, 1972, p. 109-118.
- Reyenvoet J.-P. Contribution à l'étude de l'onomatopée brute. - Travaux de linguistique, 1969, I, p. 99-128.
- Riffer-Maček D. Some Marginalia of Language Contact. - Studia romanica et anglica Zagrabienis, 1976, No. 41 - 42, p. 79-85.
- Rump G. "Onomatopoesis" bei James Joyce und Arno Schmidt. Bemerkungen zur Onomatopoesie und Graphopoesie. - Orbis, 1976, t. XXV, No. I, p. 5-12.
- Tysell H. The English of the Comic Cartoons. - American Speech, 1955, vol. 10, Feb., p. 43-55.
- Veldi E. "Allolingvistiliste" prefiksitega onomatoobid inglise ja eesti keeles. - Rmt.: Noored filoloogias 1984. Tallinn, 1984, lk. 22.
- Wescott R. Sound and Sense. Linguistic Essays on Phonosemic Subjects. Lake Bluff, 1980.

ЗАМЕТКИ О ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВАХ В КОМИКСАХ

Э.А. Вельди

Р е з ю м е

В статье рассматривается проблема онomatопoэтической инновации в англоязычных комиксах. Выделяются главные способы создания новых слов: наполнение вакантных мест в звукоподражательной системе языка, инфиксация, "аллолингвистическая" префиксация, дифтонгизация гласных, создание слов без гласных. Рассматриваются также некоторые графические средства усиления символических свойств слова.

РЕЦЕНЗИЯ К КНИГЕ: ЖЛУКТЕНКО Ю.А., ДВУЖИЛОВ А.В.
ФРИЗСКИЙ ЯЗЫК. - КИЕВ: НАУКОВА ДУМКА, 1984. - 200 С.

Карл Лепя

В последние годы все больше внимания стали обращать на один из самых маленьких германских языков - фризский. Это связано с несколькими причинами - с одной стороны, сами фризы, находящиеся под влиянием своих более крупных соседей, остро стали чувствовать необходимость делать из своего языка более мощное средство общения, которое можно было бы с успехом использовать не только в ежедневной коммуникации, но и во всех других сферах общения. Предпринимаются шаги для обогащения фризского литературного языка, для нормирования его правописания, произношения, грамматики. С другой стороны, повысился интерес к фризскому языку и среди германистов, которые надеются получить новые данные для исторического и типологического изучения германских языков. Поэтому все чаще стали появляться статьи и даже целые монографии о фризском языке, проводятся конференции, посвященные фризскому языкознанию (см., напр., *Westergaard*, 1984). Можно только приветствовать, что и в Советском Союзе наконец-то появилась работа, ознакомляющая читателя с историческим развитием и современным состоянием фризского языка.

В первой части книги дается обзор истории фризского народа и его сегодняшнего распространения. Являясь в средние века одним из важнейших народностей у Северного моря, фризы в последующие столетия были оттеснены другими народами и их язык долгие годы служил только средством общения в крестьянской среде, не имея статуса литературного языка. В результате этого наблюдается сильная диалектная раздробленность фризского языка, который в сущности существует в трех диалектных группах - западной, восточной и северной. В книге рассматривается только первая, что вполне обосновано тем, что только западно-фризский язык сегодня существует в литературном варианте. Авторами приводятся интересные данные о сегодняшней языковой ситуации в Фрисландии, о роли фризского языка в общественной жизни, литературе и культуре.

Фризский язык - член ингвеонской группы западно-германских языков, самым важным представителем которой и самым близким родственным языком фризского является английский

язык. Авторы оправданно отвергают тезис о существовании общего предка данных языков — т.н. англофризского, и предпочитают точку зрения, согласно которой близость североморских германских языков — продолжение ранее существующей близости соответствующих племенных диалектов в сходных тенденциях развития. Приводятся основные фонетические, морфологические и лексические особенности и отличительные черты языков инглеонской подгруппы (т.н. ингвеонизмы).

Особой проблемой, только коротко рассматриваемой в книге, является вопрос о периодизации истории фризского языка. Авторы отвергают принятое донинче рядом исследователей деление фризского языка на древнефризский (с 800 до 1550 г.) и новофризский (от 1550 г.) периоды и предлагают новую классификацию, выделяя в истории фризского языка следующие периоды: ранний древнефризский (800 — 1275 гг.), древнефризский (1275 — 1550 гг.), среднефризский (1550 — 1800 гг.) и нозофризский (с 1800 г.). Но, к сожалению, они не подтверждают данную классификацию языковыми данными, а отмечают только, что она больше соответствует периодизациям, принятым для других германских языков в частности, для английского и нижненемецкого). Но думается все-таки, что классификация, используемая для периодизации истории какого-нибудь языка, должна исходить из изменений в самом строе языка, а также и в системе форм существования языка (см., напр. Moskalskaja, 1977, с. 28), а не из периодизации родственных ему языков, которые могли развиваться в совсем других условиях, выполняя другие задачи в общественной коммуникации. Обоснованно авторы отказываются от терминов "древневосточнофризский" и "древнезападнофризский" язык для дальнейшего подразделения древнефризского языка, предпочитая термины "классический" (1275 — 1475) и "послеклассический" (1475 — 1550) древнефризский язык.

Основная часть книги посвящена ознакомлению читателя с двумя историческими этапами в развитии фризского языка — с древнефризским языком и с современным литературным фризским языком. В главе о древнефризском языке содержится подробный анализ данного этапа развития языка. При этом явления древнефризского языка освещаются на широкой основе других германских языков. На фоне общегерманских явлений проявляются тенденции, ведущие к образованию древнефризского, сходные линии развития и особенности, которые отличают древнефризский от других германских языков. Разбор фонетического сос-

тава древнефризского языка связан с анализом древнефризской графики, даются основные правила чтения фризских графем и их соединений, а также и самые распространенные графические варианты. Показываются пути развития общегерманских гласных в древнефризском языке. Особо выделяется вокализм безударных слогов, закономерности редуцирования и синкопирования в них гласных. Таким же образом дается обзор состава древнефризских согласных.

Данный принцип – рассмотрение явлений древнефризского языка на фоне общегерманского состояния с выделением особенностей древнефризского – сохраняется и при рассмотрении морфологии. При этом интересно отметить, что целый ряд морфологических особенностей древнефризского языка отличает его от других языков западногерманской группы и сближает с северногерманскими языками, например, исчезновение основообразующего суффикса *-n* во всех падежных формах единственного числа всех родов в слабом склонении прилагательных (с. 54), или образование 2-го лица единственного числа прошедшего времени сильных глаголов от основы единственного числа прошедшего времени с окончанием *-(e)st* (с. 69). И в фонетике наблюдаются некоторые схожие тенденции с северногерманскими языками, например, исчезновение конечного *-n*, в первую очередь в окончании инфинитива (с. 36). Заканчивается обзор древнефризского языка образцом текста и глоссарием к нему, и можно только сожалеть, что приведенный текстовый материал так мал по объему. Надо согласиться с авторами, что проведение сравнительных исследований древнефризского языка с использованием всех средств современного лингвистического анализа – одна из актуальных проблем германистики, решение которой содействовало бы решению целого ряда вопросов, относящихся к истории и современным особенностям германских языков (с. 82).

Рассмотрение новофризского периода начинается с обзора сегодняшней языковой ситуации в Фризландии, современного распространения фризского языка. Коротко представляются и основные диалекты и их главные отличительные черты. Характеризуются также главные факторы, обуславливающие особенности развития фризского языка в новофризский период и самые важные тенденции развития фризского литературного языка. Более подробно рассматривается один из факторов – сильное влияние нидерландского языка, особенно в терминологической части лексики (с. 83).

Подробно освещается фонетический строй языка, остано-

ливаясь при этом в первую очередь на главной особенности фризского фонемного состава — на богатстве гласных, а особенно, на изобилии дифтонгов с присущим им явлением преломления, отсутствующим в других германских языках. Данная задача усложняется, конечно, тем, что фонемный состав фризского языка не полностью исследован, так, например, нет единого мнения о количестве дифтонгов или их фонологическом статусе. Отличительной чертой современного литературного фризского языка является и изобилие в нем разных фонетических вариантов одного и того же слова, что связано, по-видимому, с молодостью литературного языка и с сильным влиянием на него многочисленных фризских диалектов. Дать полный обзор данного явления в рецензируемой книге, конечно, не было возможно, но авторы все-таки приводят самые распространенные варианты этого рода.

Большой проблемой не только для иностранцев, интересующихся фризским языком, но, видимо, и для самих фризцев, является правописание. Этим, наверное, среди других факторов, можно объяснить низкое число фризцев, способных грамотно писать на родном языке (с. 14). Авторы для описания фризской графемики используют экономный и удобный для читателя путь — изложение главных особенностей правописания в виде двух таблиц — таблицы буквенных обозначений фризских звуков и таблицы правил чтения фризских букв и буквосочетаний. Кратко излагается и история становления фризского правописания.

Такой же подробный обзор дается и о морфологических особенностях фризского языка. При этом бросается в глаза, что целый ряд этих особенностей сближает фризский с современным нидерландским языком. К таким явлениям в сфере имени существительного, например, можно отнести сливание прежнего мужского и женского родов в общем роде, образование множественного числа при помощи двух суффиксов — *-a* и *-en*, утрата склонения существительных кроме некоторых остатков генитива, а также и частое использование уменьшительных суффиксов, редких или даже отсутствующих в других германских языках. Конечно, все эти сходные черты нельзя объяснить только влиянием нидерландского языка на фризский (хотя данное влияние несомненно довольно сильное), а в целом ряде случаев наоборот, влиянием ингвеонских языков (в том числе и фризского) на нидерландский. Такими ингвеонизмами нидерландского языка среди вышеупомянутых явлений, например, являются суффикс множественного числа *-a* и некоторые формы

уменьшительных суффиксов. При рассмотрении морфологии глагола удивление вызывает трактовка конструкции "настоящее время или имперфект вспомогательного глагола *wêze* + причастие II смыслового глагола" как перфекта и плюсквамперфекта пассива; по аналогии с другими германскими языками (немецкий, нидерландский) хотелось бы здесь предположить особую форму пассива - пассив состояния.

В разделе синтаксиса дается обзор основных средств выражения главных членов предложения в фризском языке, а также и самых важных правил порядка слов в простом и сложном предложении. Можно только приветствовать, что книга содержит и сведения о главных средствах словообразования. Кратко рассматриваются главные модели словосложения и самые продуктивные словообразовательные префиксы и суффиксы. Раздел о современном фризском языке также заканчивается текстовыми примерами (8 текстов разных авторов) и словарем к текстам.

В заключении можно сказать, что данная книга является ценным справочником для всех, интересующихся историей и типологией германских языков, и может также быть использована в качестве учебника для практического овладения фризским языком.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte. - М.: Hochschule, 1977. - 278 S.
- Westergaard K.-E. Nordfrisisk språk i dagens situasjon. - In: Arbeitsberichte des Germanistischen Instituts der Universität Oslo. 2. Oslo, 1984, S. 89-94.

REZENSION ZU: J. SHLUKTENKO, A. DWUCHSHILOV.
FRIESISCH. - KIEW: NAUKOWA DUMKA, 1984. - 200 S.

Karl Lepa

R e s ü m e e

Das rezensierte Buch stellt den ersten Versuch dar, die sowjetischen Leser mit einer der kleinsten germanischen Sprachen, dem Friesischen, seiner Geschichte und heutigen Verbreitung bekannt zu machen. Diese Absicht bestimmt auch die Struktur des Buches. Es enthält zunächst eine Reihe interessanter Angaben über die heutige Verbreitung der Sprache, über die sprachliche Situation in Friesland und über die Stellung des Friesischen innerhalb des germanischen Sprachzweiges. Das Kapitel über das Altfriesische gibt einen Überblick über die geschichtliche Entwicklung der Sprache, wobei ausgehend von den Grundmerkmalen der germanischen Sprachen die Besonderheiten des Friesischen hervorgehoben werden. Im umfangreichsten Teil, der dem heutigen Friesisch gewidmet ist, werden seine phonetischen, orthographischen, morphologischen und syntaktischen Grundzüge ausführlich behandelt. Es folgen Textbeispiele und ein Wörterverzeichnis zu ihnen, die es ermöglichen, das Buch auch zum praktischen Studium des Friesischen zu verwenden.

REZENSION ZU: MARIANNE LÖSCHMANN. VOM LESEN ZUM
SPRECHEN. - LEIPZIG: VEB VERLAG ENZYKLOPÄDIE, 1985. - 57 S.

Mit dem Heft "Vom Lesen zum Sprechen" aus der Reihe "Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer" verfolgt die Verfasserin M. Löschmann das Ziel, die Lernenden zur Bewältigung des Übergangs von der Sprachrezeption zur Sprachproduktion in der fremden Sprache zu bewältigen. M. Löschmann geht vom Standpunkt des modernen Fremdsprachenunterrichts aus, daß zwischen den sprachlich-kommunikativen Tätigkeiten (Hören, Sprechen, Lesen, Schreiben) dialektische Wechselbeziehungen bestehen und daß alle vier sprachlich-kommunikativen Grundtätigkeiten in der Fremdsprache zielgerichtet und planmäßig entwickelt werden müssen. Die Verfasserin bemerkt, daß man in der fremdsprachenmethodischen Literatur zahlreiche Veröffentlichungen zu den einzelnen Sprachtätigkeiten, darunter auch zum Lesen und Sprechen, finden kann, doch wird den Wechselbeziehungen zwischen ihnen noch nicht immer die gebührende Aufmerksamkeit geschenkt. Dabei komme besonders dem Übergang von der Sprachrezeption zur Sprachproduktion in der Kommunikationspraxis große Bedeutung zu. Mit dem vorliegenden Heft versucht M. Löschmann, diese Lücke einigermaßen zu schließen.

Im ersten Teil der genannten Publikation wird über die Beziehungen zwischen Lesen und Sprechen in der fremdsprachigen Kommunikation und im Fremdsprachenunterricht gesprochen. Dabei wird betont, daß aus fremdsprachenmethodischer Sicht eine klare Trennung zwischen dem Lesen zur Eigeninformation und einem Lesen erforderlich ist, das von vornherein auf eine Informationsweitergabe zielt. Bei der Entwicklung des Lesens zwecks Informationsweitergabe ist der Fremdsprachenunterricht vor die Aufgabe gestellt, dem Lernenden diesen so wesentlichen und so schwierigen Übergang von der Rezeption schriftlicher Texte zur Produktion mündlicher Äußerungen zu erleichtern. Der Übergang von Sprachrezeption zu Sprachproduktion wird folgendermaßen dargestellt: Texte werden rezipiert, bestimmte Informationen daraus in zwar sehr unterschiedlicher, auf jeden Fall aber verkürzter Form gespeichert (Komprimierungsprozesse), und auf der Basis der gespeicherten Informationen werden wieder Äußerungen produ-

ziert (Expandierungsprozesse). Als Form, als äußere Materialisierung der Speicherung hat schriftliches Fixieren von Rezeptionsergebnissen eine wichtige vermittelnde Stellung zwischen Lesen und Sprechen. Deshalb sollte im Hinblick auf fremdsprachige Informationsweitergabe auch das Fixieren in der Fremdsprache verlangt und geübt werden. Beim Sprechen mit Hilfe von Fixaten wird die Planung der Äußerung durch das Bereitstellen von Sachinformationen gestützt, was eine stärkere Konzentration auf die sprachliche Ausformulierung der Rede ermöglicht. Somit ist das Sprechen auf der Grundlage von Fixaten auch ein methodisches Mittel zur Entwicklung von Sprechfähigkeiten und -fertigkeiten.

Unter der Überschrift "Vom Ausgangstext zum Zieltext" werden drei Teilfragen besprochen. Erstens werden Vor- und Nachteile aufgezählt, die schriftliche Texte im Fremdsprachenunterricht haben können. In diesem Zusammenhang werden auch die Anforderungen genannt, die an schriftliche Texte (Ausgangstexte) zu stellen sind, damit sie der Entwicklung der beiden Sprachtätigkeiten Lesen und Sprechen gerecht werden. Zweitens wird auf die Unterschiede der Zieltexte (Sprechtexte) im Vergleich zu den Ausgangstexten eingegangen, indem vor allem die semantische Inhaltskomponente, die Intentionen des Sprechers und des Autors des Ausgangstextes sowie die sprachlichen Mittel berücksichtigt werden. Drittens werden die Formen und Besonderheiten der Fixate behandelt.

Die beiden folgenden Teile sind den Problemen der Entwicklung des Lesens und des Sprechens anhand der Fixate gewidmet. Im Zusammenhang mit der Entwicklung des Lesens werden solche Fragen besprochen wie die Herausbildung der Orientierungs- und Planungshandlung, das Verstehen des Textes und die Selektion des Wesentlichen (das Wesentliche kann sowohl subjektiv als auch objektiv determiniert sein; damit ist die Eliminierung redundanter oder irrelevanter Informationen verbunden) sowie die inhaltliche und sprachliche Reduzierung (Komprimierung), die infolge der Selektion eintritt. Die genannten drei Teilbereiche sind mit Hinweisen für die Prozeßgestaltung und Übungsbeispielen versehen. In Kürze wird die Bedeutung der graphomotorischen Niederschrift des Fixats begründet. Im Zusammenhang mit der Entwicklung des Sprechens anhand von Fixaten werden Aufgaben und Übungen zur Herausbildung der Orientierungshandlung, zur Unterstützung der inneren Programmierung (zum Auswählen von Informationen aus

Fixaten, zum Ergänzen von Informationen, zum Neuordnen aus Fixaten ausgewählter und ergänzter Informationen) und zur semantisch-grammatischen Realisierung bei der Weitergabe lesend rezipierter und schriftlich fixierter Informationen (Expandierung sprachlicher und nichtsprachlicher Zeichen, Paraphrasierung sprachlicher und nichtsprachlicher Zeichen, Ergänzung sprachlicher Zeichen zum Ausdruck nicht im Ausgangstext und dementsprechend auch nicht im Fixat enthaltener Inhalte) vorgeschlagen. Anschließend werden zwei gegensätzliche Wirkungen erwähnt, die auf der Ebene der lautlichen Realisierung der Äußerung bei der Verwendung von Fixaten auftreten und unbedingt zu berücksichtigen sind. Bei der Behandlung der Entwicklung des Lesens und des Sprechens anhand von Fixaten werden auch einige Fragen berührt, die mit der Gestaltung der Kontrollhandlung verbunden sind.

Im letzten (5.) Teil des Heftes werden einige Vorschläge zur Herausbildung der komplexen Sprachtätigkeit (Lesen in Verbindung mit Fixieren und Sprechen) unterbreitet. Dabei müssen zwei Gedanken besonders hervorgehoben werden:

1. Bei der Entwicklung der komplexen Sprachtätigkeit ist kein mechanisches Nacheinander von vorbereitenden und komplexen Übungen anzusetzen;

2. Die Texte, die für die Herausbildung der komplexen Sprachtätigkeit verwendet werden, müssen sich an der realen Kommunikation orientieren und zunehmend auch authentische Texte aus der realen Kommunikation des Zielsprachlandes sein.

Das vorliegende Heft mit seinen theoretisch fundierten Grundlagen und methodisch gut durchdachten Übungsvorschlägen ist ein nützliches Hilfsmittel für alle Deutschlehrer, besonders für diejenigen, für die die zu lehrende Sprache eine Fremdsprache ist. Hervorzuheben ist auch der Umstand, daß die fördernde Wirkung des fremdsprachigen Fixierens als einer Sonderform des Schreibens auf die Entwicklung des Lesens und des Sprechens betont wird und daß somit das Schreiben, das lange eine untergeordnete Rolle spielen mußte, als sprachliche Tätigkeit gebührend anerkannt wird.

Einige Fragen erheben sich im Zusammenhang mit der Übungsgestaltung. Man möchte wissen, ob die Übungen nur als Beispiele gedacht sind oder ob sie schon in der Praxis, im Fremdsprachenunterricht, erprobt worden sind. Auf welcher Stufe der Sprachbeherrschung (Mittelstufe, Fortgeschrittene

usw.) können ähnliche Aufgaben und Übungen am zweckmäßigsten eingesetzt werden? Auch hätte man die Frage klären können, ob Übungen und Aufgaben zur Entwicklung des Lesens und des Sprechens anhand von Fixaten nur im Unterricht gemacht werden oder auch als Hausaufgaben gedacht sind. Die Reglementierung der Zeit, die Exponierung der Texte über Polylux-Geräte oder als Dias deutet auf die Arbeit in der Unterrichtsstunde, das totale Lesen und das Nachschlagen unbekannter Wörter sowie das Anfertigen von Fixaten sind aber ziemlich zeitaufwendige Arbeitsvorgänge, die man sich eher als Hausaufgaben vorstellen kann.

Die genannten Fragen schmälern keineswegs den hohen Wert des vorliegenden Heftes. Es wäre wünschenswert, wenn ihm bald eine Textsammlung mit Aufgaben, Übungen, Musterfixaten und u. U. auch Zieltexten folgen würde.

Mari-Ann Palm

SISUKORD - INHALTSVERZEICHNIS - CONTENTS

<u>Glušak T., Fedorova L.</u> Strukturell-semantische Eigenschaften des Superlativs der deutschen Adjektive. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	3-7
<u>Golikova N.</u> Linguistische Stellung und kommunikatives Wesen der Nachtragskonstruktionen. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	8-15
<u>Hanko U., Liiv G.</u> Lexical Means of Imagery in Iris Murdoch's Novels	16-26
<u>Kopan L.</u> Die Erscheinung der wiederholten Nennung in der Textdarstellung. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	27-30
<u>Ladissow A., Mirsky A.</u> Ideologiegebundenheit und Ausdruck emotionaler Wertung im Bereich der nominalen Wortbildung	31-39
<u>Liiv S.</u> The Structure of the Sentence with the Formal "IT" in the Double Semantic Function (the Object and the Subject). (In Russian). - Summary in English	40-48
<u>Lääne P.</u> Zum mittelniederdeutsch - hochdeutschen Austauschprozeß im Baltikum	49-57
<u>Mutt O.</u> The Rise and Significance of "New Englishes"	58-63
<u>Otsmaa L.</u> Zu verbalen Wortverbindungen in der livländischen Chronik von Balthasar Russow	64-69
<u>Podolskaya L.</u> On Possessive and Existential Sentences. (In Russian). - Summary in English ..	70-77
<u>Tuldava J.</u> Zum Ablautsystem im Germanischen	78-80
<u>Uustalu K.</u> Niederdeutsches Substrat im baltischdeutschen Lautbestand des XVIII. Jh. - Vokalismus. .	81-89
<u>Veldi E.</u> Notes on Onomatopes in the Comic Strips ...	90-94

Rezensionen:

<u>Lepa K.</u> Rez. zu: J. Shluktenko, A. Dwuchshilow. Friesisch. - Kiew: Naukova Dumka, 1984. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	95-100
<u>Palm M.-A.</u> Rez. zu: Marianne Löschmann. Vom Lesen zum Sprechen. - Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie 1985.	101-104

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Глушак Т.С., Федорова Л.И.</u> Структурно-семантические свойства превосходной степени имен прилагательных в немецком языке	3-7
<u>Голикова Н.Н.</u> Лингвистический статус и коммуникативная сущность присоединительных конструкций (на материале немецкого языка)	8-15
<u>Ханко У., Лийв Г.</u> Лексические средства выражения образа в романах Айрис Мердок (англ.; рез.рус.)	16-26
<u>Копань Л.И.</u> Явление повторной номинации в текстовом отражении (на материале немецкого языка)	27-30
<u>Ладисов А.И., Мирский А.А.</u> Идеологическая обусловленность и выражение эмоциональной оценки в номинальном словообразовании немецкого языка (нем.; рез. рус.)	31-39
<u>Лийв С.С.</u> Семантическая структура предложений с формальным it в позиции зависимого объектно-субъектного члена	40-48
<u>Ляэне П.</u> О средненижненемецком - верхненемецком процессе языковой смены в Прибалтике (нем.; рез. рус.)	49-57
<u>Мутт О.</u> К вопросу о возникновении и развитии новых вариантов английского языка (т.н. New Englishes) (англ.; рез. рус.)	58-63
<u>Отсмаа Л.</u> Глагольные устойчивые словосочетания в языке хроники Бальтазара Руссова (нем.; рез. рус.)	64-69
<u>Подольская Л.</u> К вопросу о посессивных и экзистенциальных предложениях (на материале английского и др. языков)	70-77
<u>Тулдава Ю.</u> О системе аблаута в германских языках (нем.; рез. рус.)	78-80
<u>Уусталу К.</u> Нижненемецкий субстрат в вокализме немецкого языка Прибалтики в XVII веке (нем.; рез. рус.)	81-89
<u>Вельди Э.Э.</u> Заметки о звукоподражательных словах в комиксах (на материале английского языка) (англ.; рез. рус.)	90-94
Рецензии:	
<u>Лепа К.</u> Рецензия к книге: Ю.А. Жлуктенко, А.В. Двухжилов. Фризский язык. - Киев: Наукова думка, 1984.	95-100
<u>Пальм М.-А.</u> Рецензия к книге: Marianne Lbschmann. Vom Lesen zum Sprechen. /От чтения к говорению/. - Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1985. (нем.)	101-104

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 713.
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ.
Лингвистика.
на разных языках.
Резюме на разных языках.
Тартуский государственный университет.
ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Юликооли, 18.
Ответственный редактор Ю. Тулдава.
Подписано к печати 22.XI.1985.
МВ 11905.
Формат 60х90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 6,42. Печатных листов 6,75.
Тираж 400.
Заказ № 765.
Цена 95 коп.
Типография ТГУ, ЗССР, 202400, г.Тарту, ул. Пялсона, 14.